А. М.

УПРОЩЕННАЯ
СИСТЕМА ВОСПИТ.
СОЛДАТ

G 87/30

Д 87
30

УПРОЩЕННАЯ СИСТЕМА

ВОСПИТАНІЯ СОЛДАТЪ

сочиненіе А. М.

ГРОДНА.
Типографія Потомств. Поч. Гражд. Л. Мейлаховича.
1894.

2007043009

УПРОЩЕННАЯ СИСТЕМА

ВОСПИТАНІЯ СОЛДАТЪ

сочиненіе А. М.

ВОЕННАЯ

ГРОДНА.
Типографія Потомств. Поч. Гражд. Д. Мейлаховича.
1894.

Печатано съ разрѣшенія войсковаго Начальства

и

Дозволено цензурою Вильна. 9 Ноября 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Предисловіе	стр.
	Введеніе	3
	Взглядъ на дослужебную жизнь новобранца	8
I.	Нравственное воспитаніе	15
	Личный примѣръ офицера	20
	Обращеніе съ нижними чинами	33
	Наказанія	60
	Заботливость	67
	Внутренній порядокъ	74
II.	Отрасль боеваго воспитанія	96
	Образчики поучительныхъ бесѣдъ . . .	101
	Заключеніе	111

ОПЕЧАТКА.

Страница	*строка*	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
27	10 сверху	это	сіе
37	15 „	рѣдко	рѣзко
45	4 снизу	проводитъ	приводитъ
—	2 „	приводитъ	проводитъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы особенно въ немъ нуждаемся. Предпринимаемый нами трудъ, составляя продуктъ личныхъ взглядовъ и наблюденій, провѣренныхъ на дѣлѣ во время многолѣтней строевой службы, не можетъ конкуррировать какъ новизною темы, такъ и изложеніемъ, съ сочиненіями подобной-же категоріи, въ особенности съ тѣми изъ нихъ, которыя уже стяжали себѣ, во всѣхъ слояхъ военнаго общества, классическую извѣстность. Мы и не претендуемъ на это! Цѣль наша — не конкурренція, не оспариваніе столь солидныхъ и полезныхъ трудовъ военныхъ мыслителей, а единственно лишь желаніе подѣлиться тѣми практическими пріемами и взглядами, которые приносили всегда, безусловно, прекрасные результаты.

Итакъ, разрабатываемая нами тема какъ-бы устарѣла?! Магазинное малокалиберное оружіе, малодымный, сильнодѣй-

ствующій порохъ и, въ параллель къ этому, изысканіе способовъ къ уменьшенію громадныхъ потерь въ предстоящихъ бояхъ, все это въ совокупности на столько охватило военную печать, что за послъдніе годы дълу воспитанія отводится самое незначительное мъсто. Воспитательныя теоріи считаются какъ-бы законченными. Сказано столько, что дальше какъ будтобы и нечего говорить!

Между тъмъ, какъ-бы ни совершенствовалось оружіе, какъ-бы ни усиливались средства атаки и обороны, но главнымъ залогомъ къ побъдъ была и будетъ всегда нравственная сторона человъческой натуры. Не подлежитъ сомнънію, что побъдитъ не магазинное оружіе, а человъкъ, умъло, энергично и съ энтузіазмомъ владъющій имъ; поэтому разработку способовъ подготовки солдата и развитіе духовныхъ его качествъ считаемъ всегда современными, а трудъ свой, на сколько таковой заслужитъ вниманіе военной общины—цълесообразнымъ.

Авторъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Вторая половина настоящаго столѣтія, ознаменовавъ себя введеніемъ во многихъ государствахъ Европы обязательной, всесословной воинской повинности*), привлекающей подъ знамена ежегодно значительный контингентъ молодыхъ людей—самый здоровый, юный (слѣдовательно и воспріимчивый) расцвѣтъ народныхъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ была свидѣтелемъ оживленнаго движенія въ военной литературѣ по вопросу о способахъ подготовки современнаго солдата къ бою. Появились сочиненія, наглядно сопоставляющія, наравнѣ съ прежде установившейся и долго практикуемой системой обученія, иные начала и взгляды, иные пріемы и стремленія**); затѣмъ, какъ прежде появившіеся, такъ и послѣдующіе въ томъ же духѣ начертанные труды***), развили и вве-

---

*) Въ первоклассныхъ державахъ Европы (кромѣ Великобританіи) всеобщая воинская повинность введена: въ Пруссіи въ 1814 г., въ Австріи—въ 1868, въ Россіи и Франціи—въ 1874, въ Италіи — въ 1875 гг. (Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ ген.-лейт. Леера).

**) Воспитаніе или муштровка? Бесѣда эрцъ-герцога Іоанна, съ примѣчаніями М. И. Драгомирова. (Воен. Сборн. 1884 г. № 3).

Опытъ руководства для подготовки частей къ бою. М. Драгомирова.

***) Воспитаніе и образованіе войскъ. М. Драгомирова (В. Сборн. 1866 г. №№ 3, 4). Домашнія мѣры воспитанія солдата В. С. (Воен. Сборн. 1868 г. № 3). Современное образованіе и воспитаніе войскъ. В. Потто (В. Сб. 1875 г. №№ 11, 12.). Воспитательныя задачи командира роты Н. Бутовскаго (В. Сб. 1884 г. № 12, 1885 г. № 2). Зимнія занятія въ казармахъ и манежѣ того-же автора (В. Сб. 1886 г. № 9.). „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата Т. I и II (того-же автора). Къ вопросу о воспитаніи войскъ. К. Бѣлявскій (В. Сб. 1890 г. № 5).

ли въ систему новыя идеи, ясно и наглядно изложили мысль: къ чему и какими способами должны стремиться руководители военнаго дѣла и чего въ результатѣ могутъ достигнуть при систематическомъ примѣненіи новыхъ начинаній въ дѣлѣ подготовки и обученія солдата.

Тенденція сочиненій такого рода вполнѣ ясна, стремленія вполнѣ цѣлесообразны: подготовить призваннаго въ ряды арміи солдата къ окончательной цѣли, т. е. къ бою не муштровкой, не только физическимъ развитіемъ, но, попутно съ механическимъ обученіемъ, направить всѣ усилія на духовную сторону человѣческой натуры, настроить мысль, поднять уровень пониманія и самосознанія важности и святости возлагаемаго на него дѣла, однимъ словомъ, посредствомъ воспитанія создать солдата сильнаго своей развитостью, разумно понимающаго цѣль обученія и, не смотря на краткосрочность службы, не только неуступающаго, но превосходящаго во многомъ отошедшаго въ область преданій долгослуживаго ветерана прежнихъ временъ.

Хотя во всѣхъ сочиненіяхъ съ воспитательными тенденціями сквозятъ цѣли спеціально милитарнаго характера и все развитіе направлено въ одну лишь сторону, т. е. къ возможно лучшей подготовкѣ воина къ предстоящему бою; но, воспитывая простолюдина въ военномъ духѣ, поднимая и развивая нравственный уровень его моральной стороны, воспитатели и руководители этого дѣла, хотя косвенно, но вершатъ и рѣшаютъ другую задачу, имѣющую по своимъ послѣдствіямъ неисчерпаемое значеніе. Поддерживая нравственность въ войскахъ, развивая духовную

сторону простолюдина, они рѣшаютъ общe-народную, общe-государственную задачу и возвращаютъ родинѣ, послѣ прохожденія въ мирное время дѣйствительной службы, не развращенныхъ и отвыкшихъ отъ земледѣльческаго труда лѣнивцевъ, но людей привычныхъ къ физическому труду, людей порядка, дисциплины и религіозныхъ началъ.

Значительной долей недальновидности, на нашъ взглядъ, отличаются тѣ люди, которые въ военномъ сословіи видятъ обремененіе государственнаго бюджета страны. Если даже, не говоря уже о томъ высоко-идеальномъ назначеніи присяжнаго воина, переносящаго подчасъ всевозможныя житейскія невзгоды, жертвующаго, наконецъ, своей жизнью для защиты интересовъ своей родины, взглянуть на военную службу какъ на школу, съ ея строго опредѣленными требованіями, порядкомъ, дисциплиной, даже и суровостью, посредствомъ которой можемъ мы передать въ народъ понятіе о порядкѣ, исполнительности, честности и справедливости, то станетъ ясно, насколько осязательную пользу можетъ принести государству военная служба. Деревня теряетъ нынѣ, свойственную ей въ былое время, чистоту нравовъ:—нѣтъ того послушанія въ семьяхъ, нѣтъ уваженія къ старшему; слѣдовательно, задача военныхъ воспитателей несравненно выше будетъ цѣнима, если мы вернемъ родинѣ людей, которые, пройдя школу добропорядочной четырехлѣтней строевой жизни, внесутъ въ деревню, совмѣстно съ полученной развитостью, струю свѣжей нравственно-религіозно дисциплинированной жизни. Что высказанные взгляды не парадоксальны, но

лишь дѣйствительные факты, доказывающіе насколько цѣнимъ какъ въ народѣ, такъ равно и интеллигенціей военно-отставной элементъ (при условіи, если онъ дѣйствительно стоитъ на высотѣ своего призванія) можно наблюдать на старослуживомъ отставномъ солдатѣ, вышедшемъ изъ суровой нравственно-дисциплинированной военной школы. человѣкъ этотъ – желанный слуга у интеллигента-земледѣльца, вслѣдствіе его честности, выдержанности и дисциплинированности; желанный онъ слуга и въ казенныхъ учрежденіяхъ; прекрасный хозяинъ-земледѣлецъ въ деревнѣ; отличный семьянинъ и патріархъ въ своемъ домашнемъ быту и честный миритель и совѣтникъ окружающей его темной среды односельчанъ.

Но это типъ солдата нравственнаго, бывшаго въ рукахъ воспитателя, искренно преданнаго своему дѣлу; во многомъ-же и рѣзко отличается отъ предъидущаго образчика. отставной солдатъ другого типа. прошедшій 4-лѣтнюю строевую школу службы подъ руководствомъ начальника, неотличающагося дальновидностью, и относящагося къ нравственному житью своихъ подчиненныхъ не особенно строго, а, можетъ быть, и индифферентно. Короткая служба, хотя сокрушила въ немъ нѣкоторые недостатки деревни (исключительно физическаго свойства), сдѣлала болѣе ловкимъ, благообразнымъ, смѣлымъ, но, къ несчастью, не успѣла привить любви къ труду, не возстановила и не исправила нравственнаго уродства. Служба 4-хъ лѣтняя проскользнула по немъ незамѣтно и, возбудивъ лишь до извѣстной степени дурные инстинкты (недовольство деревенской обстановкой, надменность въ обращеніи съ такими

же простолюдинами, желаніе стать выше всей окружающей среды), заставила утратить характеръ крестьянина, отодвинула его отъ крестьянской и не причислила къ какой-либо другой средѣ!

Слѣдовательно, изъ вышеприведеннаго вытекаетъ, насколько серьезная и тяжелая отвѣтственность возлагается въ настоящее время на офицера, на сколько онъ долженъ быть спеціально подготовленъ къ роли руководителя и воспитателя, и какимъ рвеніемъ и умѣніемъ долженъ отличаться каждый его шагъ какъ общенародной, такъ равно и спеціально военной воспитательной дѣятельности, чтобы не только не испортить того, что мы получили, но исправить и вернуть на родину человѣкомъ чести, труда, порядка и дисциплины!

Со всѣми этими задачами, обсуждаемыми въ новѣйшихъ сочиненіяхъ воспитательнаго характера, должны быть заранѣе ознакомлены офицеры (въ особенности ближайшіе руководители дѣла) *), желающіе стоять на высотѣ своего призванія. Но, кромѣ теоретической подготовки, въ промежутокъ подготовительной своей дѣятельности, исполняя обязанности помощниковъ ротныхъ командировъ, должны выработать уже извѣстную систему, примѣнительно къ своему характеру, а также индивидуальнымъ способностямъ и наклонностямъ, встрѣчаемыхъ и изучаемыхъ подчиненныхъ, и вглядѣться въ тѣ практическіе пріемы, которые вырабатываются въ начальникѣ при продолжительномъ совмѣстномъ общеніи съ нижними чинами.

---

*) Ротные, эскадронные, сотенные и батарейные командиры.

Взглядъ на дослужебную жизнь новобранца.

Приступая къ изложенію нашихъ взглядовъ на самый простой способъ воспитанія солдата, полагаемъ, что каждому офицеру не безъинтересно будетъ прослѣдить вмѣстѣ съ нами, вкратцѣ, дослужебную жизнь простолюдина; вѣдь для того, чтобы учить и воспитывать, нужно же знать съ кѣмъ мы дѣло имѣемъ!

Обработка земли составляетъ главный источникъ пропитанія нашего народонаселенія. Земледѣльческій трудъ, близость къ природѣ, развили въ немъ любовь къ той же землѣ-кормилицѣ и питомицѣ его, развили любовь къ родинѣ и дали могучіе засобы бодрости духа, выносливости и той мощи и силы воли, которыя сказывались въ народѣ во всѣ времена, когда государство переживало историческія бѣдствія. Живя въ деревнѣ, вдали отъ города, нашъ простолюдинъ неиспорченъ еще вѣяніемъ его, затхлостью и безнравственностью городскихъ удовольствій; онъ чище душою и добрѣе городского фабричнаго или промысловаго человѣка. Съ вышеизложенными взглядами каждый ротный командиръ согласится, вспомнивъ, что, хотя на первыхъ порахъ городскіе жители, а въ особенности изъ мѣщанъ или фабричныхъ, скорѣе выучиваются строю—выправкѣ, и легче изучаютъ словесныя свѣдѣнія, обязательныя

для каждаго рядового, но, впослѣдствіи, кто больше всего дѣлаетъ проступковъ, кто напьется, попадется въ кражѣ, или же бываетъ уличеннымъ во лжи? Тотъ же мастеровой—житель города!

Безъ сомнѣнія, что въ интересахъ всѣхъ ротныхъ командировъ, а слѣдовательно и всей арміи, было-бы, если-бы мы могли получать молодыхъ солдатъ безукоризненной нравственности; тогда-бы никакого труда не представлялось въ дальнѣйшемъ ихъ воспитаніи: учи только, поддерживай хорошія стороны и больше ничего; но въ томъ то и горе, что каждый ложный шагъ руководителей дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ будущаго солдата оставляетъ слѣды на всю дальнѣйшую жизнь, слѣдовательно—портитъ его; съ привившимися-же съ малолѣтства недостатками приходится считаться и раздѣлываться кому, какъ не ротному командиру;—вѣдь деревня, семья, школа и общество за преступленія порочнаго человѣка не отвѣчаютъ, если же въ ротѣ повторится нѣсколько однородныхъ преступленій, то тѣнь попустительства и непорядочности всегда ляжетъ на ротнаго же командира.

Статистика любого полкового или окружнаго суда наглядно доказываетъ, что громадный процентъ изъ числа предаваемыхъ суду нижнихъ чиновъ падаетъ на людей, проведшихъ свои молодые годы въ городѣ или-же на фабрикѣ, и та-же статистика краснорѣчиво, цифровыми данными, говоритъ, что деревня поставляетъ новобранцевъ во сто кратъ нравственнѣе, чѣмъ городъ хотя и между деревенскими новобранцами существуютъ оттѣнки; такъ, деревни, лежащія ближе къ городамъ или промышленно-фабрич-

нымъ пунктамъ, даютъ контингентъ молодыхъ людей хуже по нравственности, чѣмъ деревни, расположенныя въ глуши. Если обобщать наблюденія, то, пожалуй, можно было-бы сказать, напр., что вологодская губернія нравственнѣе московской, варшавской и т. д. Но, отбрасывая въсторону всѣ мельчайшія детали оттѣнковъ нравственности различныхъ жителей, различныхъ мѣстностей нашего отечества, можно ихъ подраздѣлить на двѣ категоріи: *хлѣбопашцевъ* и *городскихъ*.

Подъ категорію хлѣбопашцевъ подводимъ людей лучшей нравственности, отличающихся послушаніемъ, смиреніемъ, внимательностью, но иногда мало развитыхъ; къ городскимъ-же причисляемъ всѣхъ жителей города: фабричныхъ, заводскихъ, мастеровыхъ и тѣхъ изъ деревенскихъ, кто пропитывался не обработкой земли, а торговлей, или-же другими какими-либо средствами. Послѣдняя категорія новобранцевъ составляется изъ людей ловкихъ, развитыхъ, скоро выучивающихся фронтовой службѣ, но требующихъ бдительности и неослабнаго надзора со стороны ротнаго командира. Впрочемъ, настоящіе выводы могутъ лишь служить основаніемъ на первыхъ порахъ—съ кѣмъ какъ поступать и кому изъ учителей кого поручить, впослѣдствіи-же, съ теченіемъ времени, когда натуру, характеръ и наклонности руководитель воспитательнаго дѣла изучитъ подробнѣе, то и обращеніе можетъ быть измѣнено, сообразно обнаружившимся нравственнымъ качествамъ извѣстнаго индивидуума.

Слѣдовательно, деревня дастъ намъ, въ смыслѣ фронтовой службы, матеріалъ худшій, по нравствен-

но лучшій; городъ-же—наоборотъ. Безъ сомнѣнія, симпатіи каждаго начальника, въ данномъ случаѣ, склоняются въ сторону деревенскаго матеріала. Если онъ мало развитъ, туповатъ,—бѣды въ этомъ мало: разъ онъ сложенъ хорошо, физическихъ въ немъ недостатковъ нѣтъ, то постепенно можно развить его, выучить и направить въ ту сторону, куда долгъ службы велитъ направлять; но если этотъ человѣкъ нравственно уже испорченъ, если онъ заранѣе вкусилъ безпорядочной жизни, то много труда, вниманія и энергіи должно быть потрачено на перевоспитаніе его, и все-таки благопріятные результаты бываютъ сомнительны, такъ какъ эта категорія, въ большинствѣ случаевъ, пополняетъ списокъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ въ полку.

Затѣмъ, не только небезполезнымъ, но считаемъ даже необходимымъ вникнуть въ душевное настроеніе идущихъ на службу молодыхъ людей. Генералъ Драгомировъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ: „Опытъ руководства для подготовки частей къ бою“ *) проводитъ взглядъ, что новобранцы приходятъ на службу съ готовымъ расположеніемъ повиноваться. Что эта истина не подлежитъ сомнѣнію, всѣ военные начальники убѣдились на дѣлѣ. Но что способствуетъ этому желанію повиноваться и выучиться военной службѣ? Проникнуть-ли онъ сознаніемъ долга и святости назначенія военной службы, боязнь-ли этой службы и страхъ передъ наказаніемъ, или-же, просто, привычка съ малолѣтства повиноваться старшимъ? Вглядываясь внимательнѣе въ жизнь де-

*) Ч. I. Воспитаніе § 8.

ревни, анализируя взгляды, думы и стремленія простолюдина и стараясь уяснить настоящее явленіе, мы прежде всего отмѣчаемъ то выдающееся и ноцѣнное для будущаго руководителя новобранца, т. е. для ротнаго командира, качество нашего крестьянина, что каждый изъ нихъ, отъ малаго ребенка до сѣдовласаго старика, проникнуть уваженіемъ и любовью къ Вѣнценосному Вождю нашей арміи, къ своему Монарху, слѣдовательно, если крестьянинъ приходитъ на службу съ полнымъ уваженіемъ и любовью къ Верховному Вождю того войска, въ ряды котораго онъ становится, то у ротнаго командира есть уже въ рукахъ такая капитальная опора, что только остается развивать это природное качество и учить—чѣмъ и какими способами онъ, солдатъ, можетъ доказать надѣлъ свою преданность тому, кого онъ привыкъ уважать и любить съ малолѣтства.

Въ любви и преданности къ Государю всѣ жители деревни и всѣ идущіе на службу новобранцы единодушны; но у нихъ еще тамъ существуютъ свои особые взгляды на военную службу, затѣмъ, не всѣ живутъ въ настоящее время въ одинаковыхъ семейныхъ и матеріальныхъ условіяхъ, поэтому и настроеніе душевное отправляющихся на службу бываетъ разное.

Дѣлежи земельныхъ участковъ отзываются пагубно на семейномъ организмѣ крестьянина. Постоянныя ссоры кидаютъ розни между самыми близкими людьми, и только въ той семьѣ порядокъ, гдѣ не было раздѣла, гдѣ отецъ крѣпко держитъ въ рукахъ хозяйство. Тамъ только и осталось послушаніе къ старшему, привычка повиноваться, и

такія семьи. безусловно. даютъ контингентъ новобранцевъ. идущихъ служить, съ полнымъ желаніемъ повиноваться и слушаться, по привычкѣ, вслѣдствіе честности взгляда на право старшинства. на необходимость повиновенія младшаго — старшему. Что-же заставляетъ остальную категорію молодыхъ людей непризнающихъ надъ собою отцовской власти и ведущихъ весьма часто безпутную жизнь. приходить на службу съ желаніемъ повиноваться? Мы не ошибемся. если въ настоящемъ случаѣ выраженіе „желаніе“ совершенно устранимъ. такъ какъ оно къ нимъ не подходитъ. Здѣсь уже не то, что желаніе. а просто лишь страхъ передъ наказаніемъ и службой заставляютъ смириться.

Въ деревнѣ еще свѣжо живетъ въ памяти преданіе о древнемъ—о давно канувшей въ вѣчность палкѣ и тягости военной службы; возвращающіеся со службы запасные нижніе чины, бывшіе въ рукахъ не отличающихся воспитательной дальновидностью начальниковъ, не только не разувѣряютъ въ ошибочности этого взгляда, но своими фантастическими разсказами даже преувеличиваютъ этотъ страхъ. Подъ страхомъ фантастической палки и предстоящихъ трудовъ приходитъ, слѣдовательно, вторая категорія молодыхъ деревенскихъ людей. Къ нимъ-же надо причислить всѣхъ новобранцевъ, поставляемыхъ городомъ, вслѣдствіе ихъ солидарности воззрѣній на предстоящую службу.

Вся эта молодежь, на первыхъ порахъ, усердно несетъ службу и сдерживаетъ себя единственно изъ-за неизвѣстности того, что бы вышло. еслибы они проявили и показали на изнанку всѣ свои внут-

ренія качества; наконецъ, занятія, непривычка къ новому образу жизни, физическое утомленіе, ломота отъ гимнастики и фехтовки, все это, въ совокупности, заставляетъ молодого, даже самаго безправственнаго, спрятать въ себѣ свои дурныя наклонности; но постепенно, съ мѣсяцами, боязнь исчезаетъ, особенной трудности въ выучкѣ не встрѣтилось; наконецъ, мѣры налагаемыхъ, на его-же глазахъ, наказаній на старослужащихъ нижнихъ чиновъ приводятъ къ заключенію, что ничего особеннаго и страшнаго какъ лично съ нимъ, такъ равно и съ его товарищами на службѣ не дѣлаютъ, а затѣмъ... если ротный командиръ за это короткое время не успѣлъ или не съумѣлъ воспитать ввѣренныхъ ему молодыхъ людей, не съумѣлъ разбудить въ нихъ добрыя стороны русской натуры, внушить уваженіе и любовь къ труду, долгу службы и святости назначенія воина, то первобытныя наклонности берутъ верхъ надъ страхомъ (вдобавокъ непоспособительнымъ) и вотъ причина, почему первые мѣсяцы службы солдата проходятъ въ полномъ повиновеніи, послушаніи и усердіи, аккуратномъ, чинномъ и нравственномъ времяпрепровожденіи; но только онъ перешелъ въ категорію старослужащихъ, то тотъ-же смирный, усердный новобранецъ рѣзко мѣняется: человѣкъ испортился—чѣмъ дальше, тѣмъ хуже становится. Значитъ, выходитъ, что мы-же сами испортили его?! Нѣтъ! не то: мы его не испортили—онъ такимъ же и пришелъ, но только мы его не исправили, т. е. забыли, или-же упустили изъ виду перевоспитать! Былъ у него страхъ, но страхъ этотъ прошелъ, какъ не основательный, въ результатѣ-же получается возвратъ

къ дослужебному образу жизни, а послѣ окончанія службы развращеніе и эксплоатированіе у себя въ деревнѣ окружающей крестьянской среды.

I. Нравственное воспитаніе.

Воспитать человѣка,—значитъ создать въ немъ характеръ, сообщить его волѣ стремленія, и дать всей жизненной дѣятельности извѣстное направленіе. Воспитаніе должно, прежде всего, стремиться сдѣлать человѣка трудолюбивымъ, энергичнымъ и терпѣливымъ въ примѣненіи труда, въ преодолѣніи тѣхъ препятствій и перенесеніи тѣхъ лишеній и невзгодъ, которыя непремѣнно встрѣтятся въ жизни, и затѣмъ настолько справедливымъ, чтобы онъ умѣлъ сознательно воздерживаться отъ всего того, что можетъ принести вредъ ближнимъ.

Поставивъ себѣ подобную программу и задачу, необходимо соразмѣрить свои силы съ предстоящимъ трудомъ, т. е. дать себѣ отчетъ: готовы ли мы сами къ преподанію нравственныхъ началъ, затѣмъ сообразить время, которое дано въ наше распоряженіе и, наконецъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло и насколько охотно отнесется къ нашей дѣятельности порученное намъ лицо.

Если мы сами, руководители дѣла, искренно воодушевлены идеей исправленія нравственнаго уровня нашихъ подчиненныхъ, если мы къ этой дѣятельности подготовлены основательно и умѣло, то первое препятствіе, зиждущееся въ насъ-же самихъ, рушится само собою; но остаются еще двѣ задачи, съ которыми слѣдуетъ серьезно считаться, т. е. время,

необходимое для воздѣйствія на убѣжденіе нашихъ воспитанниковъ и, наконецъ, на сколько эти послѣдніе подготовлены къ преподаваемому имъ развитію.

Времени у насъ не только немного, но менѣе чѣмъ недостаточно, такъ какъ исключительно первые четыре мѣсяца и затѣмъ первый-же лагерный сборъ новобранецъ находится въ постоянномъ общеніи и подъ неослабнымъ наблюденіемъ самого-же ротнаго командира; ровно-же съ окончаніемъ лагеря и переводомъ его въ категорію старослужащихъ, начинается разбросъ большей части людей по разнымъ командамъ, мастерскимъ, назначеніе въ офицерскую прислугу и посылка во временныя и дальнія командировки, и хотя въ административномъ отношеніи сохраняется незыблемая связь съ своей „метрополіей“, т. е. ротой, но духовная связь, между воспитателемъ и воспитанниками слабѣетъ настолько, что люди, считавшіеся до своего выбытія изъ роты вполнѣ нравственно-надежными, возвращаются нерѣдко настолько измѣнившимися, что съ трудомъ даже вѣрится, что это прибылъ тотъ-же самый тихій, спокойный и нравственный новобранецъ, своимъ усердіемъ и поведеніемъ заслуживавшій полное одобреніе и похвалу своего воспитателя.

Но подобныя неблагопріятныя условія не должны, во всякомъ случаѣ, доводить до убѣжденія въ невозможности воспитанія ввѣренныхъ намъ людей; напротивъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ въ началѣ обращать вниманія, тѣмъ болѣе труда и энергіи должно быть вложено, чтобы своимъ умѣлымъ руководствомъ подготовить молодыхъ солдатъ на столько,

чтобы всѣ искушенія, могущія встрѣтиться имъ въ дальнѣйшей службѣ вигѣ роты, не поколебали-бы и не испортили нравственныхъ основъ, полученныхъ въ началѣ службы.

Несомнѣнно, что если-бы *всѣ офицеры*, во всѣхъ *командахъ* и *мастерскихъ*, искренно задались-бы воспитательными тенденціями, еслибы нравственное кормило не ускользало изъ нашихъ рукъ, то тѣмъ благотворнѣе были-бы результаты и не было-бы опасеній за людей, посылаемыхъ по служебнымъ обязанностямъ за предѣлы роты.

Переходя затѣмъ къ обрисовкѣ матеріала, мы видимъ, что хотя онъ и молодой воспріимчивый, но неразвитой, малограмотный, затрудняющійся въ пониманіи подчасъ самыхъ обыденныхъ выраженій, приноровленныхъ къ ежедневной жизни и службѣ солдата.

Сталкиваясь, поэтому, при первомъ-же шагѣ выполненія программы, съ такими вѣскими препятствіями, мы, невольно, задаемся вопросомъ: посильна-ли наша задача, возможно-ли фактически достигнуть благихъ результатовъ, или-же заранѣе слѣдуетъ отказаться отъ превышающей нашу возможность работы?

Разъясненіе подобныхъ вопросовъ находимъ въ тѣхъ-же самыхъ молодыхъ людяхъ, пришедшихъ на службу и отданныхъ закономъ подъ наше руководство и попеченіе. Между ними находятся люди нравственности хорошей и нравственности испорченной; значитъ, что-нибудь и кто-нибудь повліяли же на нихъ благотворно или злотворно. Были-же

какіе то двигатели. хотя несомнѣнно выучить даже грамоты молодого человѣка. но одарившіе его понятіемъ, что не слѣдуетъ предаваться лѣни. не слѣдуетъ воровать. пьянствовать. не слушаться и т. д. Однимъ словомъ, привившіе ему, какими-то способами, безусловно прекрасныя нравственныя качества. Отыскивая причины. воспитанія въ нравственныхъ началахъ неграмотнаго новобранца. поневолѣ наталкиваемся на вопросъ: откуда онъ пришелъ, гдѣ онъ прожилъ ребяческіе годы и, наконецъ, кто его воспитывалъ?

Отвѣты мы получаемъ всегда одни и тѣ-же: жилъ онъ все время въ деревнѣ, въ семьѣ своего отца и тамъ-же прошли его какъ ребяческіе, такъ равно и юношескіе годы! Значитъ, воспитала его *семья*—неграмотная, невѣжественная семья,—но, въ данномъ случаѣ, единственная вотчина обработки духовной стороны новобранца.

Разрѣшивъ подобные вопросы, мы переходимъ къ отысканію тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ офицеръ-воспитатель могъ-бы продолжать начатое въ деревенской семьѣ воспитательное дѣло, или-же къ переработкѣ тѣхъ порочныхъ людей, которые жили въ дурной обстановкѣ, въ дурной семьѣ, а то и вовсе безъ семьи и, вслѣдствіе этого, вышли съ изуродованными нравственными началами.

Поступивъ на службу и принося присягу на вѣрность таковой, куда-же приходитъ новобранецъ? Гдѣ начинается и кончается его мирно-трудовая, или-же грозно-военная служебная жизнь; въ чьи руки, наконецъ, онъ попадетъ и кто обязанъ забо-

титься о чистотѣ правовъ присяжнаго солдата! Приходитъ онъ въ роту, подъ попеченіе ротнаго командира! Но что такое рота, какъ не та-же *семья*! Семья, хотя составленная изъ людей, принедшихъ служить съ разныхъ концовъ нашего обширнаго отечества, людей съ различными наклонностями, характеромъ, способностями и дарованіями, но цѣль службы этого разнопестраго элемента одна и та-же: всѣ—какъ злые, такъ и хорошіе, усердные и лѣнивые, грамотные и неграмотные, крестьяне и дворяне, разъ они приняли присягу, одѣли военный мундиръ, составляютъ уже одну корпорацію, одно сословіе, одну *семью*: всѣ они связаны, на жизнь и на смерть, одинаковыми условіями жизни, у всѣхъ одинаковая цѣль—служба Царю и отечеству, одинъ девизъ—побѣдить или умереть!!

Если семьѣ подобаетъ патріархальность, если семьи съ патріархальными началами даютъ намъ контингентъ новобранцевъ болѣе нравственный, чѣмъ семьи разрозненныя и разбитыя, то не слѣдуетъ-ли къ тому-же стремиться и въ семьѣ-ротной? На нашъ взглядъ—безусловно „да“! Но чѣмъ-же поддерживается въ семьяхъ, имѣющихъ одну главу, нравственность; какими средствами старикъ-хозяинъ обладаетъ, чтобы дѣти его и внуки вышли на свѣтъ Божій не безпутными лѣнтяями, а людьми честными, трудолюбивыми, трезво и спокойно взирающими какъ на право старшинства, такъ равно и на всю трудовую дорогу жизни; вѣдь старикъ-семьянинъ не читаетъ-же своимъ родичамъ моральныхъ повѣствованій, не выписываетъ онъ нравственныхъ

сочиненій и, не зная даже иногда грамоты, прививать съ малолѣтства любовь къ труду, уваженіе къ закону и полное почтеніе къ старшему лѣтами. Присматриваясь къ порядку жизни такихъ семействъ, мы можемъ отвѣтить только, что тамъ вся воспитательная система держится на *примѣрѣ* и *внутреннемъ порядкѣ*! Слѣдовательно, если подобная система воспитанія хороша и даетъ благотворные результаты въ семьѣ деревенской, то въ ротной семьѣ, она-же должна дать, безусловно, во всѣхъ отношеніяхъ лучшіе результаты, такъ какъ главный руководитель всей ротной семьи, т. е. ротный командиръ—человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ, проникнутый искреннимъ желаніемъ поддержать нравственность ввѣренныхъ ему людей, связанный присягой, обязывающей его честно и добросовѣстно относиться къ дѣлу и, наконецъ, обладающій, безспорно высшимъ цензомъ образованія, чѣмъ деревенскій глава, слѣдовательно, выработавшій уже себѣ извѣстную систему и взгляды на воспитательное дѣло.

Личный примѣръ офицера.

Для того, чтобы руководить людьми и имѣть на нихъ вліяніе, необходимо начальнику сдѣлаться авторитетомъ для его подчиненныхъ; авторитетомъ не вслѣдствіе лишь того, что онъ облеченъ въ офицерскій мундиръ и надѣты на него офицерскіе погоны, но авторитетомъ такимъ, какимъ пользуется человѣкъ частный надъ другимъ такимъ-

же индивидуумомъ, преклоняющимся единственно передъ справедливымъ, усердным, разумнымъ, твердымъ въ своихъ требованіяхъ и, послѣдовательно, шагъ за шагомъ, неуклонно идущимъ, къ разъ намѣченной цѣли, человѣкомъ. Глава въ деревенской избѣ имѣетъ наравнѣ съ офицеромъ свой престижъ, онъ—отецъ всей подростающей молодежи; каждый-же, какъ въ богатой семьѣ. такъ и въ бѣдной привыкъ „чтить отца и мать“: но почитать и любить, а преклоняться передъ авторитетностью—двѣ большія разницы: можетъ быть, сынъ и будетъ любить своего родителя, можетъ быть и почитать его будетъ, но если этотъ отецъ безтолковъ и нерадивъ въ хозяйствѣ, если онъ ведетъ праздную, а то и безнравственную жизнь, то навряд-ли будетъ онъ имѣть хорошее вліяніе на своихъ сыновей, и весьма сомнительно, чтобы они преклонились передъ его авторитетомъ. Не то-ли самое возможно и въ ротной семьѣ? Если сынъ почитаетъ, у себя дома, отца, хотя-бы съ большими нравственными недостатками. то въ ротѣ онъ настолько-же почитаетъ первоначально ротнаго командира, какъ офицера и начальника, а отъ самого уже командира зависитъ. чтобы его подчиненные признали въ немъ авторитетность, вслѣдствіе его нравственныхъ и служебныхъ качествъ не только какъ личности. поставленной закономъ имъ въ начальники, но какъ руководителя дѣла. съумѣвшаго своимъ *примѣромъ* пріобрѣсть ихъ уваженіе и подѣйствовать на ихъ убѣжденіе.

Возможно предположить, что постановка, въ дан-

помъ случаѣ. соотношенія воспитательныхъ системъ посредствомъ примѣра можетъ вызвать въ читателѣ (въ особенности военномъ) нѣкотораго рода недоумѣніе; могутъ явиться сомнѣнія: какимъ образомъ отецъ-семьянинъ, находящійся въ одинаковыхъ условіяхъ жизни со своими дѣтьми, наравнѣ съ ними испытывающій всѣ труды, печали и радости, понимающій и знающій до тонкости близкихъ себѣ, можетъ быть приравненъ командиру-начальнику, стоящему какъ по воспитанію, образованію, а тѣмъ болѣе вслѣдствіе служебной обстановки, несравненно въ большемъ отдаленіи отъ своихъ подчиненныхъ и навѣщающій ихъ лишь въ опредѣленные, узаконенные часы; слѣдовательно, возможно ли допустить, чтобы *личный примѣръ* нравственныхъ началъ, хотя-бы даже самаго нравственнаго начальника, могъ отразиться благотворно на средѣ его подчиненныхъ, живущихъ отдѣльной жизнью, не понимающихъ, не знающихъ и не дающихъ себѣ труда знать, что за жизнь ведетъ ихъ начальникъ и какія у него цѣли и стремленія витаютъ въ мысляхъ относительно близкихъ ему нижнихъ чиновъ сослуживцевъ.

На первый взглядъ, дѣйствительно, выходитъ, какъ будто-бы рознь, наложенная служебной лѣстницей, настолько велика, что какую-бы жизнь ни велъ лично офицеръ, что-бы онъ въ казармы ни творилъ, благое или худое, это никоимъ образомъ не отзовется тамъ вдали, въ помѣщеніи нижнихъ чиновъ; но это только такъ кажется; если-же вспомнимъ, что каждый нашъ подчиненный такой-

же человѣкъ, какъ и мы сами, и такъ-же интересуется личностью. характеромъ п. вообще, всей особой поставленнаго надъ нимъ начальника, то мнѣніе наше относительно воздѣйствія на нравственность нижняго чина посредствомъ лично-нравственнаго примѣра не будетъ казаться идиллистической и неудобоисполнимой фантазіей! Домашняя жизнь офицера, каждый его шагъ, слово и поступокъ, до мельчайшей подробности, извѣстны его подчиненнымъ. Рота имѣетъ свои уши и глаза (въ лицѣ казенной прислуги-земляка), посредствомъ которыхъ она чутко прислушивается и присматривается къ своему ближайшему начальнику и анализируетъ его до тонкостей: наконецъ, обладая свойствомъ обдумывать и комбинировать все услышанное, сообразно обстоятельствамъ, составляетъ себѣ планъ для своей собственной жизни привольной и разгульной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ложно-притворной, или-же скромной труженической и всегда правдивой, отличающейся въ послѣднемъ случаѣ, аккуратнымъ исполненіемъ порядка внутренней службы, въ совмѣстной ротной жизни.

Домашняя жизнь офицера и его *умѣнье быть начальникомъ* надъ нижними чинами не только чутко отзываются въ подвѣдомственной ему части, но даже сосѣднія роты (чужихъ баталіоновъ) хорошо знаютъ—гдѣ и въ какой ротѣ можно себѣ позволить лишнее, недозволенное закономъ, и гдѣ этого невозможно. Явленіе это можно наблюдать даже на новобранческой партіи, разбиваемой командиромъ полка или баталіона по-ротно: назойливыя

просьбы сыпятся отовсюду о назначеніи въ какую-либо одну излюбленную роту, о которой, посредствомъ старослужившихъ земляковъ, успѣвшихъ заранѣе повидаться съ прибывшими, провѣдала неопытная и боящаяся всего молодежь!

Мы не станемъ, въ настоящей статьѣ, указывать на достоинства или-же недостатки того или другого образа жизни строевого офицера, а тѣмъ болѣе вторгаться въ его домашнюю жизнь; современный офицеръ настолько достаточно воспитанъ и интеллигентенъ, что указывать ему, въ его-же частной жизни, какую-либо рамку—правила, было-бы мѣрой рискованной и ненужной; но, кромѣ домашней жизни, мы большую половину дня проводимъ въ общеніи со своими подчиненными, и въ этомъ общеніи, къ намъ-то они въ особенности присматриваются. Слѣдовательно, если отбросимъ первое индуктивное средство воздѣйствія на солдата, т. е. домашнюю нашу жизнь, то остается второе еще, именно: умѣніе быть начальникомъ, иначе—умѣніе внушать къ своей особѣ довѣріе, уваженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ полное желаніе подчиняться авторитетности и нравственному воздѣйствію уважаемаго-же начальника.

Чѣмъ пріобѣтается уваженіе людей, вообще, и подчиненныхъ въ особенности? Честнымъ личнымъ трудомъ, аккуратнымъ знаніемъ и выполненіемъ своихъ обязанностей, строго-справедливымъ отношеніемъ къ своимъ подчиненнымъ и оказываніемъ полной своей дисциплинированности ко всѣмъ поставленнымъ надъ нами начальникамъ.

Каждый трудъ, предложенный и возложенный на насъ, мы вѣдь исполняемъ; но исполненіе-то бываетъ двоякое: одно—съ видимой охотой, энергіей, умѣлостію и веселымъ настроеніемъ; другое-же—вялое, апатичное, отбивающее охоту къ той-же работѣ у всѣхъ окружающихъ и созерцающихъ это исполненіе людей.

Личное настроеніе офицера къ работѣ, его искренняя преданность дѣлу, несомнѣнно сообщаются и ротѣ.

Нужно умѣть пріохотить людей къ труду; нужно долю своей энергіи влить подчиненнымъ. и это настолько заразительно дѣйствуетъ на человѣческую натуру, а въ особенности на простолюдина-солдата, что даже особенной трудности не предвидится, особеннаго умѣнія не нужно; самое тяжелое упражненіе пройдетъ весело съ усердіемъ, если офицеръ лично приналяжетъ, покажетъ и подбодритъ! Человѣкъ-простолюдинъ — самая благодатная почва для дѣятеля, желающаго достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ: стоитъ только самому лично показать, надоумить и взяться за дѣло, и работа пойдетъ неустанно, спокойно, безъ толчковъ даже и безъ понужденій! Такой дѣятель-офицеръ, навѣрно будетъ уважаемъ своими людьми; о немъ передается молва, изъ устъ-въ-уста, долгіе годы и также долго та-же рота, по привычкѣ. вслѣдствіе втянутости въ работу, будетъ дѣлать дѣло неусыпно, неустанно, даже при перемѣнѣ командировъ, даже при вяломъ и лѣнивомъ отношеніи къ дѣлу новаго начальника, до тѣхъ поръ, пока не заглох-

нетъ преданіе, пока не уйдутъ въ запасъ всѣ сотрудники того офицера, видѣвшіе собственными глазами какое должно быть на службѣ отношеніе къ труду и какъ слѣдуетъ работать каждому человѣку.

Но, вмѣстѣ съ полной охотой къ труду, офицеръ долженъ понимать и умѣть сдѣлать свою работу, онъ долженъ быть авторитетомъ по знаніямъ служебнымъ не только для нижнихъ чиновъ, но и для подвѣдомственныхъ ему-же офицеровъ. На начальника, справляющагося на глазахъ у нижняго чина, для разъясненія какого-либо служебнаго вопроса, съ уставомъ, подчиненный смотритъ подозрительно; у него навѣрно витаетъ мысль, слышанная нами однажды отъ солдата, обучаемаго унтеръ-офицеромъ по книжкѣ: „Такъ и я съумѣлъ-бы учить,—прочтетъ и спроситъ, хитрости тутъ никакой нѣтъ!“

Каждая пытливость простолюдина не только по служебнымъ, но и по другимъ общежитейскимъ и научнымъ вопросамъ, не должна застигнуть начальника врасплохъ, онъ всегда обязанъ быть готовымъ къ этому и стараться ясно, наглядно и умѣло разъяснить вопрошаемое. Такія обстоятельныя разъясненія настолько поддерживаютъ обаяніе въ познаніяхъ своего начальника между нижними чинами, настолько онъ привыкаетъ *вѣрить* своему офицеру, что руководителямъ-воспитателямъ не слѣдуетъ забывать этого обстолтельства, разъ они желаютъ пріобрѣсть полное уваженіе въ подвѣдомственной имъ средѣ.

Наконецъ, осталось намъ разобрать послѣднее воздѣйствіе для пріобрѣтенія уваженія нашихъ подчиненныхъ, т. е. умѣнье офицера держать себя по отношенію къ старшимъ начальникамъ.

Офицеръ, не пользующійся уваженіемъ у высшаго начальства, не будетъ уважаемъ и своими-же подчиненными! Откуда нижніе чины узнаютъ о дурной аттестаціи своего командира—трудно сказать. Инстинктъ-ли имъ подсказываетъ это, прочитываютъ-ли они это въ суетливости и горячности офицера, при извѣстіи о приходѣ или пріѣздѣ старшаго начальника, или-же почерпаютъ все это отъ казенной прислуги—трудно рѣшить! Одно только несомнѣнно, что офицеры, не имѣющіе поддержки свыше, непмѣющіе подъ ногами прочнаго служебнаго пьедестала, небудутъ имѣть рѣшающаго вліянія на подвѣдомственныхъ чиновъ и всѣ ихъ старанія напрасны, такъ какъ, кромѣ обыкновенной служебной исполнительности, они не увидятъ и не добьются ничего больше! Нерѣдко такіе офицеры, сознавая свое безсиліе и желая какъ-нибудь помочь дѣлу и вызвать лучшую исполнительность, пугаютъ своего солдата старшимъ—начальникомъ; въ результатѣ, разумѣется, достигается цѣль, т. е. усиливается боязнь къ этому малознакомому начальству, но одновременно подрывается окончательно въ людяхъ довѣріе къ своему командиру и безповоротно теряется его собственный престижъ. Рота привыкнетъ оглядываться и прислушиваться къ распорядкамъ свыше, игнорируя распоряженія и указанія своего-же ближайшаго начальства. Каж-

дая дѣятельность такого офицера будетъ казаться солдатамъ требующей еще подтвержденія извнѣ, все говоримое имъ будетъ выслушиваться лишь для очистки совѣсти, однимъ словомъ, рота, въ глубинѣ души, не будетъ вѣрить своему командиру и вполнѣ отвергнетъ его служебную авторитетность!

Офицеръ, пользующійся уваженіемъ своего начальства, чувствующій служебную прочность своего положенія, долженъ пріучить своихъ людей не только не бояться начальства, но обязанъ вселить въ нихъ убѣжденіе, что каждый старшій начальникъ грозенъ только для людей нерадивыхъ, неисполнительныхъ; но если нижніе чины ведутъ себя примѣрно, службу несутъ усердно, исполняютъ свои обязанности добросовѣстно, однимъ словомъ, не забываютъ принятой присяги, то тогда они не только не должны бояться начальника и встрѣчи съ нимъ но должны желать, чтобы какъ всю роту въ совокупности, такъ равно и каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, этотъ начальникъ видѣлъ возможно чаще, видѣлъ ихъ рвеніе, усердіе и нравственную добропорядочную жизнь и, въ такомъ случаѣ, не только не будетъ порицаній, но можно лишь услышать похвалу и одобреніе; поэтому, боязнь для честнаго солдата—чувство неумѣстное и неосновательное. Если-же со стороны начальника послѣдуютъ какія-либо замѣчанія или-же указанія ошибокъ, то таковыя должны вызывать не боязнь къ нему, а, напротивъ, должны лишь усиливать во всѣхъ его подчиненныхъ чувство уваженія какъ къ чело-

вѣку, желающему имъ добра и добросовѣстно исполняющему свои служебныя обязанности. Наконецъ, слѣдуетъ пріучать роту къ той мысли, что насколько подчиненные уважаютъ своего начальника, настолько-же каждый изъ начальниковъ цѣнитъ и уважаетъ своего подчиненнаго, если онъ честный исполнитель военнаго дѣла, и что какъ офицеръ, такъ и нижніе чины обязаны и должны стараться пріобрѣсть уваженіе и довѣріе поставленнаго надъ ними начальника, такъ какъ при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ легче, веселѣе идетъ работа, самоувѣреннѣе и энергичнѣе, каждый въ отдѣльности будетъ исполнять свои обязанности, напередъ зная, что каждое исполненное дѣло заслужитъ санкцію старшаго начальника.

Но чѣмъ-же пріобрѣтается уваженіе и довѣріе, какъ не трудомъ, усердіемъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ службы! Начальство всегда отдастъ справедливость и не откажетъ въ уваженіи человѣку дѣла и труда; но если оно, при случаѣ, передъ ротой, окажетъ командиру ея свое уваженіе, выскажетъ свое удовольствіе, напомнитъ людямъ, что у нихъ дѣльный руководитель, то, безъ сомнѣнія, еще больше увѣритъ ихъ въ авторитетности ихъ-же командира и подниметъ его начальническій престижъ.

Подавая собою примѣръ трудолюбія и усердія, офицеръ личнымъ-же примѣромъ долженъ преподать своимъ подчиненнымъ убѣжденіе въ необходимости, съ полной охотой и желаніемъ, подчиняться старшимъ начальникамъ. Для этого на каждомъ шагу

будутъ представляться случаи: посѣщеніе-ли начальствомъ казармы, или-же при выходѣ людей въ общій строй батальона—полка, офицеръ всегда долженъ помнить, что каждое его слово, движеніе, контролируются сотней глазъ подвѣдомственныхъ ему нижнихъ чиновъ, поэтому всякое обращеніе къ нему или-же замѣчаніе старшаго начальника онъ долженъ принять съ почтительной и подобающей данному случаю дисциплинированностью, съ сохраненіемъ при этомъ собственнаго достоинства, приличествующаго офицерскому званію. Каждое распоряженіе старшаго начальника слѣдуетъ приводить въ ротѣ въ исполненіе съ возможной поспѣшностью и охотой, однимъ словомъ, убѣдить и доказать своимъ подчиненнымъ, собою-же, необходимость такой исполнительности, проводить взглядъ и между ними, что вся служба, жизнь, семья, государство держатся на исполнительности и правѣ старшинства.

Въ одинаковой степени съ исполнительностью и трудолюбіемъ, офицеръ-воспитатель долженъ подавать примѣръ въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ нашей церкви. Русскій крестьянинъ, въ душѣ, глубоко религіозенъ. Взгляните на роту, выходящую на строевой или стрѣлковый смотръ начальства: всѣ, до единаго, послѣ команды „шагомъ-маршъ“ снимутъ шапки и набожно перекрестятся. Изъ сотни этихъ живыхъ существъ, въ это мгновеніе, посылается, мысленно, молитва къ Престолу Всевышняго о ниспосланіи удачи. Всѣ, безъ исключенія, обращаются къ Тому, въ чьей рукѣ кроются всѣ радости и печали нашего земнаго пребыванія

и существованія. Отчего-бы, кажется, въ данную минуту ротному командиру не напутствовать своихъ людей, хотя-бы короткимъ, но много говорящимъ „съ Богомъ, братцы“. Напутствіе это вѣдь нельзя-же счесть послѣдствіемъ страха передъ начальствомъ; страха, дабы не навлечь на себя гнѣвъ или порицаніе его?! Какъ рота, такъ и ротный командиръ, въ большинствѣ случаевъ, увѣрены въ себя, трудились вмѣстѣ, прошли все аккуратно, подготовились по чистой совѣсти; но случайностей на Божьемъ свѣтѣ бываетъ много: самый искусный стрѣлокъ можетъ сдѣлать промахъ; можетъ вѣтеръ сильнѣе дунуть во время спуска ударника; можетъ, наконецъ, инспекторъ сдѣлать рѣзкое замѣчаніе и взволновать и безъ того трепетно-настроеннаго солдатика; и вотъ пуля, предназначаемая въ „фигуру во весь ростъ“, пошла, завывая, въ пустое пространство; убавила она процентъ попавшихъ и тѣмъ навлекла непріятности какъ на ротнаго командира, такъ и на его подчиненныхъ! Поэтому, если рота со своимъ командиромъ, сочувствующіе взаимно другъ другу и понимающіе, что могутъ быть непредвидѣнныя, непринимаемыя въ разсчетъ инспекторомъ случайности и, желающіе возможно лучшаго увѣнчанія своихъ трудовъ, обращаются лишь къ Тому, кто можетъ предотвратить все это, то такое обращеніе объясняется не страхомъ, а лишь религіознымъ настроеніемъ нашего простолюдина, начинающаго и кончающаго всякую работу съ глубокой вѣрой въ Бога и Его милосердіе надъ людьми.

Но если нашъ солдатъ религіозенъ, религія-же служитъ главной основой къ поддержанію нравственности людей, то ротному командиру, безусловно, слѣдуетъ поддерживать и укрѣплять своихъ подчиненныхъ на этомъ фундаментѣ безпорочнаго житья; присматривать за посѣщеніемъ людьми церкви: одновременно съ ротой говѣть, причащаться, однимъ словомъ, и здѣсь быть примѣромъ и наставникомъ въ дѣлѣ поддержанія религіозныхъ началъ въ ротѣ.

Отъ кого солдатъ беретъ примѣръ во всемъ, какъ не отъ отца—въ деревнѣ, и отъ офицера—на службѣ; нравственныя начала роты зиждутся въ офицерахъ и командирѣ ея; если они аккуратно, честно работаютъ, если солдатъ видитъ въ нихъ примѣръ исполнительности, дисциплины и порядка, то какъ-же не подчиниться ему этому общему настроенію части? Разумѣется, если руководители дѣла будутъ лишь *говорить*, при случаѣ, своимъ подчиненнымъ о нравственности, долгѣ, воинской доблести, но сами лично не будутъ исполнять говоримаго, то, такимъ образомъ, можно скорѣе развратить, чѣмъ воспитать подчиненнаго. Солдатъ-простолюдинъ—чрезвычайно тонкій наблюдатель; наблюдательность въ немъ не интеллигентная, а, просто, инстинктъ первобытнаго человѣка; онъ понимаетъ, цѣнитъ и уважаетъ труженика-офицера, держащаго его строго и справедливо, и хотя безнравственныя, испорченныя личности злятся, что не даютъ имъ покоя, вникаютъ въ ихъ мельчайшія погрѣшности, не позволяютъ развернуться

на просторѣ дослужебной натурѣ, но, въ душѣ, даже такіе испорченные индивидуумы отдадутъ справедливость *примѣрному* начальнику, не откажутъ ему въ уваженіи и пойдутъ по его-же слѣдамъ.

Обращеніе съ нижними чинами.

Вѣроятно, каждому изъ читателей, въ теченіи своей жизни, случалось видѣть такія выдающіяся исключительныя личности изъ начальниковъ, которыя, не прилагая даже особеннаго съ своей стороны старанія, имѣли неотразимое вліяніе на подвѣдомственныхъ имъ нижнихъ чиновъ и пользовались безусловнымъ уваженіемъ окружающей среды сослуживцевъ и подчиненныхъ. Чѣмъ-же особеннымъ надѣлила природа такія личности? На это можно отвѣтить единственно выраженіемъ, взятымъ изъ простонароднаго лексикона, именно—*степенностью*. Характеристика подобной личности можетъ быть сопоставлена съ тѣмъ-же деревенскимъ главой въ семьѣ, почтеннымъ и честнымъ, спокойнымъ и увѣреннымъ во всевозможныхъ обстоятельствахъ жизни; твердымъ и непоколебимымъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, касающихся блага ввѣренной его попеченію семьи; ровно и безпристрастно относящимся ко всѣмъ членамъ домашняго очага; солидно и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно держащимъ себя при обращеніи къ поставленному надъ нимъ начальнику.

Степенность въ обращеніи нашъ простолюдинъ

любитъ и уважаетъ. Спокойствіе манеръ, короткую и ясную рѣчь, онъ привыкъ видѣть и слышать въ каждомъ и отъ каждаго заслуживающаго уваженія старика-односельчанина; наконецъ, нервозность и горячность не только несвойственны всей натурѣ славянина, не только шокируютъ его, но къ ней совершенно непривыченъ нашъ крестьянинъ: она его пугаетъ! На горячаго, вспыльчиваго и кидающагося начальника онъ будетъ смотрѣть, въ его присутствіе, единственно лишь съ чувствомъ страха; въ отсутствіи-же его, пожалуй, вызоветъ на губахъ неоднократно улыбку.

Офицеръ, желающій пріобрѣсть уваженіе и имѣть вліяніе на людей своей роты, долженъ отчасти переработать себя: воздерживаться отъ излишней горячности, избѣгать всякой несоотвѣтствующей его положенію суетливости, быть строгимъ и требовательнымъ и не упускать изъ виду даже самыхъ мельчайшихъ провинностей своихъ подчиненныхъ; но, вмѣстѣ со строгостью, соединить справедливость и ласковость въ обращеніи, однимъ словомъ, избѣгая сухого и зачерствѣлаго педантизма, оставить въ уголкѣ своего сердца любовь къ той средѣ, которая хотя и не пойметъ умомъ, но свойственнымъ простонародью инстинктомъ, раскроетъ, отыщетъ и отличитъ гдѣ правда, оцѣнитъ и воспослѣдуетъ добрымъ намѣреніямъ, любви къ нимъ и желанію имъ добра ихъ начальника.

Сдержанность офицера въ обращеніи, при воспитательномъ дѣлѣ, имѣетъ огромное значеніе. Че-

ловѣкъ горячій, не сдерживающій себя, дающій волю своей натурѣ, идущій за порывомъ первой вспышки, въ одну минуту можетъ подорвать вполнѣ свой престижъ, потерять все свое обаяніе, пріобрѣтаемое не скоро и не особенно легко. Минутная вспышка начальника можетъ выбросить изъ устъ его цѣлый потокъ бранныхъ словъ, смѣшать съ грязью иногда весьма порядочнаго, нравственнаго солдата, подорвать въ немъ вѣру въ справедливость своего начальника; разъ-же онъ разувѣрился въ офицерѣ, рушится и обаяніе, производимое на него выдержанностью и спокойствіемъ его командира и если даже впослѣдствіи успокоившійся начальникъ и придетъ къ сознанію—въ неумѣстности своей вспышки, и пожалѣетъ въ душѣ неповинно обиженнаго своего подчиненнаго, но дѣло поправить не легко, такъ какъ подорванной *вѣры* будетъ препятствовать взаимное неудовольствіе—страхъ подчиненнаго передъ своимъ начальникомъ и неловкое положеніе этого послѣдняго, чувствующаго въ душѣ сдѣланную несправедливость, сгоряча и необдуманно, неповинному человѣку!

Начальникъ, не дающій себѣ труда думать о нравственной сторонѣ своихъ подчиненныхъ, не заботящійся о воспитаніи ввѣренныхъ ему людей, наконецъ, непризнающій въ простолюдинѣ способностей чувствовать и имѣть свое самолюбіе, безъ сомнѣнія, не будетъ давать себѣ даже яснаго отчета въ своихъ поступкахъ относительно подвѣдомственныхъ ему солдатъ. Явилась тѣнь провинности, значитъ,—разнести, распушить и... дѣло

сдѣлано: вполнѣ оформлено и забыто; но забудетъ-ли это подчиненный, успокоится-ли его самолюбіе, задѣтое, можетъ быть, и несправедливо, вспышкой горячаго начальника, выиграетъ-ли, въ такомъ случаѣ, престижъ того-же офицера—возможно сомнѣваться?!

Умѣніе обращаться съ нижними чинами пріобрѣтается практикой службы только людьми искренно преданными военному дѣлу; людьми, служащими изъ за идеи и заботящимися не только о строевой подготовкѣ солдата, но заглядывающими несравненно дальше *увольненія въ запасъ арміи* и, какого-бы характера ни былъ начальникъ, онъ всегда явится хорошимъ воспитателемъ, всегда, тѣмъ или другимъ способомъ, достигнетъ цѣли, разъ онъ искренно преданъ дѣлу, душевно относится къ службѣ и интересуется ввѣренными ему людьми. Человѣкъ даже со вспыльчивымъ характеромъ, но твердо задавшійся мыслью стать у нравственнаго кормила роты, если и сдѣлаетъ промахъ, то, обдумавъ хорошенько, въ слѣдующій разъ не позволитъ себѣ ничего подобнаго—будетъ вырабатывать способность самообладанія, въ случаѣ даже когда, дѣйствительно, неумѣлость или-же, просто, нерадѣніе подчиненнаго, возмутятъ, всю его правдивую и желающую добра, натуру.

Самообладаніе и сдержанность, выработанныя-ли практикой жизни, или-же данныя начальнику природой, имѣютъ еще то солидное преимущество передъ горячностью, что даютъ возможность спо-

коѣнѣе разобраться въ характерѣ своихъ-же питомцевъ, подмѣтить черты и оттѣнки наклонностей того или другого индивидуума и, сообразно узнаннымъ природнымъ качествамъ, видоизмѣнить свое обращеніе.

Элементъ приходящихъ на службу молодыхъ солдатъ, дѣлимыхъ нами, сообразно дослужебной воспитательной обстановки, на категоріи *хлѣбопашцевъ* и *городскихъ*, при ближайшемъ изученіи моральной стороны въ сущности распадается на столько различныхъ типовъ, отличающихся въ общей массѣ иногда еле-уловимыми оттѣнками, что для болѣе наглядаго охарактеризованія способовъ обращенія, мы представимъ лишь нѣсколько выдающихся типовъ, рѣдко выдѣляющихся на общемъ фонѣ ротной семьи, и составляющихъ, такъ сказать, центры, возлѣ которыхъ группируются сходныя и мало отличающіяся остальныя личности.

Типъ 1. Видъ пасмурный; глаза зорко и рѣшительно контролируютъ каждое ваше слово и движеніе; улыбки никогда вы не увидите; исполнительность и аккуратность, не оставляющія желать ничего лучшаго; суровъ въ отношеніи своихъ товарищей; неразговорчивъ; отвѣчаетъ на вопросы начальника медленно, толково и обдуманно; рѣшителенъ, смѣлъ, но крайне самолюбивъ. Проявленіе сихъ послѣднихъ качествъ можно наблюдать при каждомъ болѣе трудномъ, а въ особенности опасномъ, упражненіи. Самъ никогда не вызывается на предложенную работу, но взоры всей роты, разъ вы требуете кого-либо для исполненія того или

другого приказанія, обращаются на него, и онъ, услыша свою фамилію, немедленно, безъ подталкиваній и съ достоинствомъ предстанетъ передъ вами. Такія натуры, выражаясь словами военной общины, *невыдадутъ* никогда! Въ мирное-ли время или-же въ бою, это—самыя желанныя личности: честныя, суровыя, вѣрныя долгу и преданныя начальнику; но если попадетъ въ роту, гдѣ начальникъ легкомыслекъ, не отличитъ выдающихся его способностей, не сумѣетъ своимъ обращеніемъ стать выше, по его мнѣнію, его-же самого, то онъ озлобляется и нерѣдко начинаетъ запивать и дѣлать проступки и преступленія. Легкости въ обращеніи онъ не уважаетъ и не любитъ; признаетъ лишь и подчиняется суровости, серьезности, справедливымъ и законнымъ дѣйствіямъ своего начальника. Каждый разговоръ съ нимъ долженъ быть облеченъ въ дѣловую, короткую форму; разглагольствованія, подбадриванія не только неумѣстны, но приводятъ положительно къ отрицательнымъ результатамъ—въ глазахъ такъ и свѣтится стереотипное саркастическое: „знаю, молъ, и безъ тебя!“

Слово держитъ крѣпко и, спрошенный по *чистой совѣсти*, всегда скажетъ правду. Похвала должна быть тоже изложена въ серьезной формѣ и въ ней должна звучать увѣренность и подтвержденіе этой увѣренности въ удачномъ выборѣ исполнителя и, какъ послѣдствіе этого выбора, отличное выполненіе даннаго порученія. Замѣчанія или напоминанія, если въ нихъ встрѣтится надобность, должны скорѣе отзываться удивленіемъ, чѣмъ имѣть

наставительную или-же внушительную форму; наказанія-же не только не исправляютъ и не улучшаютъ такого человѣка, но видимо озлобляютъ его и нерѣдко доводятъ до крупнаго нарушенія дисциплины и порядка внутренней казарменной жизни. *Слово* начальника, которому онъ *вѣритъ*, для него законъ и никакія постороннія вліянія не разувѣрятъ его и не поколеблютъ преданности къ тому, кого онъ привыкъ уважать и подчинился вслѣдствіе большей силы воли и авторитетности, поставленнаго ему въ начальники, человѣка.

Типъ 2. Лицо открытое, добродушное; глаза веселые, смѣющіеся; внимателенъ къ говорящему, предупредителенъ и охотливъ къ исполненію отдаваемыхъ приказаній; съ товарищами общителенъ, дружбу водитъ со многими и въ общемъ слабохарактеренъ, вслѣдствіе чего, при дурной обстановкѣ ротной жизни, нерѣдко подпадаетъ подъ вліяніе нравственно испорченныхъ солдатъ и по легкомыслію (свойственному молодости) попадается въ проступкахъ. Перенося наказаніе, чистосердечно раскаивается въ сдѣланной погрѣшности и, въ данную минуту, обѣщая исправленіе, самъ свято вѣритъ непоколебимости своего раскаянія. Такъ какъ въ общемъ такая личность представляетъ изъ себя матеріалъ воспріимчивый, но не установившійся, завпсимый отъ окружающей обстановки, въ которой пройдутъ его служебные годы, а также отъ разумнаго вліянія начальниковъ, то необходимо, прежде всего, поручить его такимъ учителямъ, отдѣленному и взводному, которые отличаются выдер-

жанностью, безукоризненной нравственностью и не грѣшать снисходительностью.

Живость характера и податливость подобныхъ натуръ даютъ имъ возможность сживаться и привыкать ко всевозможнымъ обстановкамъ скоро и безъ особеннаго труда, и разъ уже втянувшись, *свыкшись* съ нравственнымъ житьемъ, выработается въ будущемъ, *по привычкѣ*, нравственный порядочный человѣкъ.

Обращеніе съ ними должно совмѣщать въ себѣ суровость съ ласковостью. Суровость необходима, такъ какъ излишняя со стороны начальника привѣтливость можетъ быть перетолкована въ дурную сторону и сочтена за поблажку; ласка-же должна служить для него нравственной опорой, ободреніемъ; она временами тѣмъ необходимѣе, что постоянная суровость въ перемежку съ наказаніями, можетъ запугать, забить совсѣмъ его впечатлительный характеръ и привести къ сознанію, что, какъ ни старайся, все-равно расплата одинакова—вѣчная суровость и строгость со стороны начальства.

Похвала начальника представляетъ для нихъ безусловное блаженство, физіогноміи расплываются отъ удовольствія, глаза искрятся радостью, въ особенности если и начальникъ съ веселымъ лицомъ и привѣтливой улыбкой благодаритъ или-же хвалитъ за хорошій, примѣрный поступокъ.

Типъ 3. Задумчивый, тихій человѣкъ, скромной наружности, робкій и теряющійся при задаваемыхъ ему вопросахъ, потупляющій свой взоръ, увидя направленный на себя взглядъ начальника; лицо

почти дѣтское, глаза апатичные, оживляющіеся лишь временами; тихая, спокойная и нерѣдко любящая и восторженная его натура готова любить и преклоняться передъ всякимъ, болѣе или менѣе, авторитетнымъ начальникомъ. Крикъ, угроза, въ особенности-же наказаніе, производятъ на него подавляющее впечатлѣніе. Съ товарищами не общителенъ, любитъ одиночество и сходится только съ земляками, эксплоатирующими нерѣдко его спокойную и податливую натуру.

Имѣя подобныхъ солдатъ въ ротѣ, мы сдѣлаемъ полезную вещь, поддерживая ихъ, при всякомъ случаѣ, своимъ начальническимъ авторитетомъ и охраной, такъ какъ служба такихъ личностей, живущихъ воспоминаніями о семьѣ и деревнѣ, не изъ легкихъ и носитъ въ себѣ зародыши болѣзни, подъ названіемъ: „Тоска по родинѣ“. Безъ сомнѣнія, трудно начальнику оказывать всегда снисхожденіе тому, кто по строю слабѣе другихъ и во фронтѣ бываетъ невнимателенъ и разсѣянъ, но источникъ такихъ незначительныхъ проступковъ кроется не въ лѣни и не въ нежеланіи исполнить говоримое или командуемое, а просто лишь въ тоскливомъ настроеніи, доходящемъ до забывчивости и апатіи, поэтому и наказывать „невмѣняемаго“—мѣра недостойная для хорошаго начальника, тѣмъ болѣе, что наказаніями нетолько недостигается цѣль, но еще больше усиливается пугливость, а съ нею вмѣстѣ оплошность и невниманіе. Такого человѣка необходимо уговорить, развлечь, разсѣять и доказать, что служба не такъ страшна, но на

столько продолжительна, и что единственно она ему принесетъ пользу, если онъ займется ею; что она разовьетъ его, укрѣпитъ, а тамъ, не успѣетъ оглянуться, какъ и придетъ пора домой идти. Слѣдуетъ изрѣдка потолковать съ нимъ о его близкихъ родныхъ, разспросить о домашнихъ дѣлахъ, напомнить о посылкѣ вѣсточки въ деревню, прочесть ему полученное письмо и, въ общемъ, не упускать ни одного удобнаго случая, чтобы, поддерживая его своимъ вліяніемъ, не дать ему возможности окунуться и углубиться въ мрачныя думы, воспоминанія и сравненія прежней жизни съ настоящей.

Типъ 4. Выразительное, симпатичное лицо съ заискивающей улыбкой; глаза невинно-сочувственно глядятъ на начальника и свѣтится въ нихъ такая вѣра, преданность и сочувствіе всему окружающему и говоримому, что поневолѣ обращаютъ на себя вниманіе, а охотливая исполнительность, стараніе и предупредительность безусловно выдѣляютъ его изъ всей массы неловкой въ движеніяхъ и разговорахъ молодежи. Похвалы симпатичному новобранцу сыпятся отовсюду: учитель не находитъ словъ, чтобы высказать свое удовольствіе по поводу назначенія къ нему такого старательнаго молодого человѣка; взводный унтеръ-офицеръ авторитетно заявляетъ, что изъ него выйдетъ *первѣйшій солдатъ*; однимъ словомъ, охотливый и развитой новобранецъ пріобрѣлъ всеобщую симпатію; вниманіемъ-же, ловкостью и быстрыми успѣхами на служебномъ поприщѣ онъ расположилъ въ свою пользу, стремя-

щагося къ возможно лучшей подготовкѣ людей, усерднаго ротнаго командира.

Но общая гармонія и удовольствіе начальника могутъ быть сильно поколеблены, если онъ повнимательнѣе начнетъ анализировать поступки симпатичнаго новобранца, а также слѣдить въ свободные часы (въ особенности по прошествіи 3—4 мѣсяцевъ службы) за его времяпрепровожденіемъ. Въ казармѣ такой солдатъ пребывать не любитъ — его вы найдете всегда въ полковой чайной въ обществѣ другихъ его товарищей, а то и самыхъ его ближайшихъ, непосредственныхъ начальниковъ. Если-же любопытный начальникъ справится въ праздничный день, при посѣщеніи казармы, о фамиліяхъ уволенныхъ въ городъ нижнихъ чиновъ, то всегда въ спискѣ отпускныхъ будетъ фигурировать фамилія *первѣйшаго солдата*. Поспѣвая къ вечерней перекличкѣ, начальникъ увидитъ того-же солдата, стоящаго въ строю съ неестественно блистающими глазами и винным запахомъ, и, поэтому, поинтересовавшись, мимоходомъ, куда собственно и за какой надобностью ходилъ онъ въ городъ, можетъ услышать *правдивый* отвѣтъ, что за покупкой самыхъ необходимыхъ предметовъ солдатскаго обихода.

Дальнѣйшая жизнь такого солдата идетъ „crescendo“ въ худшую сторону. Доклады, одинъ за другимъ, такъ и сыпятся изъ роты и вполнѣ обрисовываютъ притворство, лживость и безнравственность его натуры. Къ службѣ относится лѣнивo, поподается въ пьянствѣ, съ начальствомъ же своимъ

изъ нижнихъ чиновъ (посѣщавшимъ съ нимъ вмѣстѣ чайную) становится настолько непочтительнымъ, что оно само, превозносившее его прежде въ своихъ докладахъ, сконфуженно рапортуетъ о той или другой некрасивой выходкѣ хвалепаго и многообѣщавшаго солдата.

Первые же старательные служебные дни такого человѣка не должны увѣрить и успокоить начальника относительно его прекрасныхъ нравственныхъ качествъ и, тѣмъ самымъ, позволивъ ввести себя въ обманъ и склонить къ привѣтливому и ласковому къ нему обращенію. За усердіе, на первыхъ порахъ, должна слѣдовать по справедливости похвала; но только похвала и... больше ничего! Стараніе, живость, предупредительность, все это въ совокупности послѣдствія лишь страха, послѣдствія *фантастической палки*, разсказы о которой слышалъ онъ еще въ дѣтствѣ, а затѣмъ повтореніе о таковой же и въ юношескіе свои годы отъ запасныхъ нижнихъ чиновъ. Тѣ же люди ему сказали, что съ учителемъ, отдѣленнымъ и взводнымъ, а тѣмъ паче съ фельдфебелемъ необходимо жить дружно и умѣть ладить, тогда и служба будетъ легче, больше будетъ свободы, а ротный командиръ непремѣнно похвалитъ, получая доклады отъ того-же *нужнаго* начальства о примѣрномъ и усердномъ солдатѣ; заручившись же благосклонностью ближайшаго начальства, составивъ себѣ репутацію усерднаго и примѣрнаго, присмотрѣвшись затѣмъ къ военнымъ порядкамъ и не находя въ нихъ ничего такого особеннаго и похожаго на то, чѣмъ его пугали въ до-

служебное время, встрѣчая лишь похвалу, благодарность и привѣтливость, начинаетъ впослѣдствіи тяготиться, хотя и не особенно строгими, но все таки прижимистыми военными порядками. Ему, видѣвшему и испытавшему уже прелести лѣни и безначалья, питейнаго и другихъ заведеній, все новое становится противнымъ, почему, попутно съ полнымъ ознакомленіемъ со всѣми новыми порядками, начинается тяготѣніе и возвратъ къ дослужебному образу жизни.

Личина притворства (сдерживаемая страхомъ) нерѣдко маскируетъ такого человѣка довольно продолжительное время, въ особенности въ ротахъ, гдѣ соблюдается строгій внутренній порядокъ; но чѣмъ слабѣе надзоръ, чѣмъ меньше вникаетъ начальство во внутреннюю жизнь казармы, тѣмъ скорѣе спадаетъ маска и происходитъ возвратъ къ прежней жизни.

Такъ какъ такая личность бываетъ, въ общемъ, развитой, сообразительной, ловкой и скоро ориентирующейся и присматривающейся къ новой жизни и новымъ порядкамъ, то, пользуясь этой смышленостью и развитостью, начальникъ можетъ, при желаніи, достичь хорошихъ результатовъ перевоспитанія испорченнаго солдата, обращая его вниманіе на конечный исходъ пьянства и своеволія въ жизни, наводя его на размышленія — къ какимъ плачевнымъ результатамъ проводитъ въ будущемъ, на старости лѣтъ, безнравственная жизнь. Слѣдуетъ приводить взглядъ, что праздность и пьянство — первыя ступени къ дру-

гимъ порокамъ, заканчивающимся преступленіями и уголовщиной; привести въ параллель жизнь порядочнаго человѣка, хорошаго хозяина и семьянина, уважаемаго окружающей его средой, мирно доживающаго преклонныя лѣта свои съ чистой совѣстью и пользующагося, вслѣдствіе нравственно и трудолюбиво проведенной жизни, цвѣтущимъ здоровьемъ.

Наставленія эти не должны ни въ какомъ случаѣ имѣть характеръ и форму длинныхъ *рѣчей*, которыхъ, какъ развитой, такъ и неразвитой простолюдинъ одинаково не любитъ и боится. Наставленія эти должны быть излагаемы при случаѣ: при наложеніи-ли наказанія, или-же во время словесныхъ бесѣдъ, и должны имѣть характеръ военнаго разговора: короткаго, наглядиаго внушенія, напоминанія или увѣщеванія!

Но ограничиться съ такой личностью одними лишь внушеніями этого еще мало! Необходимо держать его настолько строго, обращаться настолько серьезно, не допускать малѣйшихъ послабленій, контролировать и слѣдить за каждымъ его шагомъ, наконецъ, карать на столько чувствительно, чтобы у него вывѣтрились изъ головы всѣ поползновенія къ проступкамъ. Каждое намѣреніе на совершеніе проступка должно влечь за собою строгое напоминаніе о томъ, что онъ, смышленый, разумный человѣкъ, уподобляетъ себя животному, для котораго чувствительна только палка, и если увѣщеванія и напоминанія не дѣйству-

ютъ, то, переведя его въ разрядъ штрафованныхъ, слѣдуетъ примѣнять за всякую продѣлку палку! Изъ-за страха, изъ-за „легендарной палки“ служилъ онъ прежде усердно и испортился затѣмъ, не видя и не чувствуя ее, слѣдовательно, необходимо *фактически* доказать ему, что съ порочными военная служба не шутитъ, и что для такихъ, какъ онъ, существуетъ палка не фантастическая, а дѣйствительная и убѣдительная!

Строгость обращенія, попутно съ воздѣйствіемъ на *убѣжденіе, самолюбіе* и *амбицію* человѣка, приводятъ, въ большинствѣ случаевъ, къ благопріятнымъ результатамъ, такъ какъ рѣдко въ такіе молодые годы можно встрѣтить такую исключительную, испорченную личность, на которую-бы *слово* уважаемаго и примѣрнаго начальника не подѣйствовало, а наказанія не отрезвили, не заставили исправиться и поглубже заглянуть въ свои внутреннія наклонности и влеченія. Разъ-же мы видимъ, что человѣкъ сталъ исправляться, присмирѣлъ и опомнился, то, не измѣняя своей суровости, слѣдуетъ одобрить передъ ротой его поступки, высказать удовольствіе и надежду, что *въ будущемъ* выйдетъ изъ него порядочный человѣкъ и поставить въ примѣръ остальнымъ людямъ той-же категоріи, нуждающимся въ радикальныхъ мѣрахъ исправленія.

Типъ 5. Угрюмое, измятое лицо; глаза тусклые, изъ подлобья глядящіе на начальника, свѣтится въ нихъ недоброжелательство, неудовольствіе и язвительность. Къ товарищамъ относится пренебре-

жительно свысока, вслѣдствіе чего большинство изъ нихъ боится его и сторонится. Сходится лишь съ немногими личностями, преклоняющимися, повидимому, передъ нахальствомъ, цинизмомъ и своеволіемъ, своего „патрона“. Дружбы товарищеской между ними незамѣтно, такъ какъ взаимное согласіе сводится лишь къ общности взглядовъ и интересовъ — однихъ, или-же податливости и безхарактерности—другихъ сотоварищей, идущихъ на помочахъ у такихъ безнравственныхъ особъ. Неряшливъ, неопрятенъ, и всѣми необходимыми мелочами солдатской жизни пользуется заимообразно у другихъ нижнихъ чиновъ, причемъ, въ случаѣ отказа, изливаетъ всевозможныя ругательства и оскорбленія по адресу отказчика. Собственная деньга никогда у него въ карманѣ не держится; все это моментально несется въ питейное заведеніе, и туда-же сплавляется всякая лишняя (по его мнѣнію) вещь, заведенная иногда единственно заботливостью командира роты. Съ начальствующими лицами изъ нижнихъ чиновъ держитъ себя въ высшей степени нахально и дерзко, почему они-же сами, спохватясь, въ большинствѣ случаевъ, довольно поздно и боясь навлечь на себя справедливый упрекъ командира роты въ запоздалости-ли доклада, или-же въ нерѣшительности и неумѣлости поддержать свой начальническій авторитетъ, скрываютъ нерѣдко дерзкія выходки, насмѣшку, а то и просто брань порочнаго солдата. Если офицеръ посѣщаетъ казарму лишь въ указанные служебные часы и не вникаетъ во внутреннюю жизнь, то такія испор-

ченныя личности удерживаются въ ротѣ иногда продолжительное время, вносятъ растлѣвающіе зародыши неповиновенія—нарушенія дисциплины, а нетрезвымъ своимъ поведеніемъ, циничными выходками, грубостью, издѣвательствомъ надъ всѣми нравственными и достойными солдатами, развращаютъ ротную семью на долгое время.

Безъ сомнѣнія, такимъ солдатамъ не мѣсто въ казармѣ—въ честной ротной семьѣ; для человѣка, не признающаго ничего хорошаго и порядочнаго и не повинующагося никому и никогда добровольно, наконецъ, подчиняющагося лишь грубой силѣ и строгости, должно быть отведено и подобающее хранилище, вродѣ тюрьмы, дисциплинарнаго батальона (какъ предвареніе), а впослѣдствіи и болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Но, вѣдь, нѣкоторое время (иногда продолжительное) и такая личность пребываетъ въ ротѣ, и она считается равноправнымъ членомъ военной общины, поэтому чрезвычайно важно *во время* узнать и всѣми силами стараться изолировать ее отъ остальныхъ нижнихъ чиновъ, если только дисциплинарныя мѣры не окажутъ настоящаго воздѣйствія и не произведутъ переворота въ его внутреннихъ убѣжденіяхъ и наклонностяхъ.

Такая личность, наравнѣ со всѣми остальными новобранцами, первые мѣсяцы служитъ усердно. Страхъ передъ „неизвѣстностью“ сплоитъ и, оказывая надлежащее давленіе, заставляетъ спрятать въ себѣ свои дурныя стремленія; единственно что бросается въ глаза, даже въ началѣ его службы, это

неестественная строптивость, доходящая до злобности въ отношеніи своихъ-же товарищей-сослуживцевъ: возьметъ-ли кто-либо, по ошибкѣ, его ружье, или-же станетъ въ строю на его мѣсто, то, не стѣсняясь даже присутствіемъ офицера, обругаетъ, толкнетъ и окинетъ такимъ ядовитымъ взглядомъ, какъ будто-бы Богъ вѣсть какую обиду этой оплошностью ему причинили!

Но кромѣ неестественныхъ и даже непозволительныхъ выходокъ, еще одна особенность бросается въ глаза внимательному офицеру: каждый новобранецъ, приходя на службу, запасается дома прекраснымъ нижнимъ бѣльемъ—рубашки съ вышивными воротниками и обшлагами, узорчатыя полотенца — однимъ словомъ, каждый изъ нихъ въ этомъ отношеніи щеголяетъ другъ передъ дружкой; укладка-же всего этого въ сундукѣ, провѣтриваніе, просушка и взаимное разсматриваніе составляютъ въ свободное отъ занятій время, а въ особенности въ праздничный день, любимѣйшее коротаніе досужихъ часовъ. Не то мы видимъ у новобранца, вышедшаго изъ безпорядочной семьи воспитаннаго въ дурныхъ началахъ, а въ особенности у разгульнаго человѣка: не только вещей, но даже бѣлья у такихъ личностей съ собою не имѣется, вѣроятно, все это въ дорогѣ было оставлено въ попутныхъ питейныхъ заведеніяхъ. Бѣдностью трудно это объяснить, такъ какъ новобранецъ даже изъ самой неимущей, но порядочной семьи, приноситъ все необходимое (по его мнѣнію) бѣлье въ достаточномъ количествѣ, и безусловно не нуждается, до

выдачи годовыхъ вещей, въ авансовомъ отпускѣ. Затѣмъ, присматриваясь къ порядку содержанія какъ своихъ собственныхъ, такъ и казенныхъ вещей у одного и другого типа новобранцевъ ,мы замѣчаемъ у порядочнаго человѣка полную аккуратность и чистоту: каждая самая маленькая вещица лежитъ на своемъ мѣстѣ, все разсортировано, прибрано и уложено съ какимъ-то стараніемъ и элегантностью; у пропойцы-же, лѣнтяя и, вообще, человѣка безнравственнаго—всегда полнѣйшій хаосъ и выглядываетъ изъ каждаго уголка, все это скомкано, испачкано, разбросано, однимъ словомъ, все кругомъ громогласно говоритъ о непорядочности хозяина!

Осматривая, поэтому, послѣ прибытія въ роту партіи молодыхъ, собственныя ихъ вещи, начальнику безусловно слѣдуетъ обратить вниманіе на количество таковыхъ и *порядокъ* ихъ содержанія и укладки; хотя это — мелочь, но въ мелочахъ и узнаются первоначально характеръ и наклонности человѣка, въ особенности-же онѣ рѣзко сказываются въ простолюдинѣ. Если мы увидимъ новобранца, прибывшаго въ роту безъ нижняго бѣлья, то необходимо разузнать откуда онъ, изъ какой семьи и, наконецъ, не лишне будетъ спросить его сотоварищей по путешествію, какъ проводила время въ дорогѣ личность, явившаяся въ роту чуть-ли не въ костюмѣ праотца Адама?! Съ перваго-же дня службы такого новобранца необходимо обратить на него особое вниманіе, не полагаться на доклады учителя и начальствующихъ нижнихъ чиновъ, а самолично,

при обходѣ казармы, контролировать времяпрепровожденіе и казарменную внѣслужебную жизнь: что дѣлаетъ онъ въ свободные часы; замѣчать съ кѣмъ онъ чаще пребываетъ и поближе сошелся; откуда и какого содержанія получаетъ письма; каковъ въ обращеніи съ товарищами и ближайшими непосредственными начальниками и затѣмъ, при каждомъ случаѣ, не относя лично къ нему, дѣлать въ общихъ чертахъ напоминаніе, что какъ на службѣ, такъ и внѣ ея, хорошему, порядочному человѣку— почетъ и уваженіе отъ всѣхъ младшихъ и старшихъ, дурному-же, порочному и негодному — строгость и суровое наказаніе!

Личное съ нимъ обращеніе начальника не должно составлять, на первыхъ порахъ, рѣзкой разницы отъ остальныхъ его товарищей; но такое отношеніе начальника должно быть сохраняемо до того лишь времени, пока онъ не выходитъ изъ строго начертанныхъ границъ воинской дисциплины и порядка внутренней службы; разъ-же порочный человѣкъ начинаетъ проявлять свои недостойныя наклонности, то, не задумываясь, слѣдуетъ поставить его, отдачей подъ судъ и переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, въ изолированное положеніе.

Прискорбная, но, къ сожалѣнію, необходимая мѣра эта тѣмъ нужнѣе, что каждое снисхожденіе, доброта начальника въ отношеніи такого человѣка, будутъ сочтены имъ-же и его сторонниками за боязнь, уступчивость и податливость передъ нахальнымъ, энергичнымъ и небоязливымъ человѣкомъ,

можетъ пошатнуть въ ротѣ, въ средѣ нравственныхъ и достойныхъ солдатъ, вѣру въ справедливость и безпристрастіе офицера, наконецъ, необходимо *на дѣлѣ* фактически доказать проповѣдываемыя начала, что хорошему—хорошее, дурному-же —дурное воздается по заслугамъ. Строгость въ отношеніи такого человѣка должна служить примѣромъ и нравственнымъ воздѣйствіемъ на окружающую среду, должна явно поддержать убѣжденіе въ людяхъ, въ честности и справедливости порядковъ военной службы и, если мѣра эта доведетъ даже до послѣдняго кризиса, т. е. выброситъ изъ рядовъ арміи недостойнаго члена, то все-же она благотворно отзовется въ томъ отношеніи, что какъ рота, такъ равно деревня, общество, будутъ освобождены отъ заразы, портящей своимъ общеніемъ всю окружающую среду.

Обрисовавъ болѣе выдающіеся типы солдатъ, встрѣчаемыхъ на службѣ, необходимо еще нѣсколько уяснить что мы подразумѣваемъ подъ словомъ „ласка“; какіе предѣлы могутъ быть допущены въ отношеніи нижнихъ чиновъ и когда привѣтливость и ласка могутъ служить начальнику подмогой въ дѣлѣ воспитанія ввѣренныхъ ему людей.

Для разъясненія подобныхъ вопросовъ обязательно слѣдуетъ вспомнить, что мы имѣемъ дѣло не съ хилымъ, изнѣженнымъ и избалованнымъ семьей и обстановкой существомъ, а съ человѣкомъ, вся предыдущая жизнь котораго прошла въ кропотливомъ и мозольномъ трудѣ, въ постоянной борьбѣ съ природой и всѣми стихійными бичами,

въ видѣ засухъ, ливней, градобитій, пожаровъ, висящими всегда надъ головой хлѣбопашца. Всѣ эти условія жизни, подчасъ весьма нелегкія, съ ранняго возраста ребенка пріучаютъ къ серьезности и выносливости. Видитъ онъ своего отца серьезнымъ, занятымъ, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ обращающимъ на него вниманіе и снисходительно треплющимъ его по щекѣ или-же дарящимъ его поцѣлуемъ. Ласки такого рода встрѣчаетъ онъ чрезвычайно рѣдко и чаще выпадаетъ на его долю потасовка отъ того-же родителя, чѣмъ приголубливаніе и нѣжничанье. Затѣмъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ подростающаго ребенка семья видитъ въ немъ единственно помощника-сотрудника своего хозяйства. Такъ, съ 10-ти-лѣтняго возраста, будущій солдатъ является уже дѣятельнымъ и дѣйствительнымъ помощникомъ своего родителя: вырубка или возка лѣса зимою, уборка сѣнокоса или хлѣба, въ страдное время видятъ того-же мальчишку усердно исполняющимъ всѣ приказанія отца, носящимъ въ потѣ лица снопы, подающимъ запряженную лошадь, выбивающимся изъ силъ въ работѣ, а въ награду, вѣдь, рѣдко-рѣдко услышитъ онъ ласковое слово!

Юношескіе годы расцвѣтающаго новобранца приносятъ ему, попутно съ большей самостоятельностью еще больше физическаго труда и еще менѣе похвалы и ласки; каждое распоряженіе по хозяйству старикъ-хозяинъ дѣлаетъ въ серьезной формѣ и, въ свою очередь, удовлетворительное выполненіе возложеннаго на юношу порученія при-

нимается какъ нѣчто должное и не заслуживающее никакой награды и поощренія.

Слѣдовательно, вся обстановка, въ которой воспитывался новобранецъ-простолюдинъ, все обращеніе съ нимъ не избаловало его; вездѣ онъ видѣлъ серьезность; съ молоду привыкъ трудиться; поэтому, отправляясь на Царскую службу, онъ приготовленъ встрѣтить тѣ-же труды, то-же обращеніе, ту-же серьезность и даже въ большей степени! Между тѣмъ, попадая въ роту, оглядѣвшись, выучившись и присмотрѣвшись къ новымъ порядкамъ, онъ видитъ, что каждое болѣе или менѣе аккуратное выполненіе обязанностей службы вызываетъ похвалу начальника, каждый самый натуральный, добросовѣстный поступокъ, влечетъ за собою одобреніе, привѣтливость и опять-таки похвалу начальника, поэтому, поневолѣ зарождается у него мысль, что онъ составляетъ „исключеніе, феноменъ“, что, значитъ, всѣ натуральные его поступки, ничто иное, какъ рядъ самыхъ похвальныхъ и неподдающихся уже критикѣ событій, а онъ самъ—положительное „совершенство“, съ которымъ никто изъ прежнихъ его односельчанъ и тягаться не можетъ. Затѣмъ, условія жизни на службѣ рѣзко мѣняются въ лучшую сторону—помѣщеніе отличное, пища мясная ежедневно, одежда, не оставляющая желать ничего лучшаго; однимъ словомъ, человѣкъ труда, серьезности, выносливости, попадая въ военную службу, культивируется и вмѣстѣ съ тѣмъ изнѣживается; вся-же новая жизнь, обращеніе начальства, выбрасываютъ его изъ старой колеи и, возбуждая въ

высокой степени „самомнительность“, въ результатѣ заставляютъ его скептически относиться какъ къ новымъ порядкамъ вообще, такъ, тѣмъ болѣе, къ своему-же начальству, хвалящему *за все*, по своей добротѣ сердечной!

На нашъ взглядъ, излишняя доброта, излишняя ласковость и привѣтливость, не только не помогаютъ дѣлу воспитанія и не улучшаютъ солдата, но безусловно портятъ его. Нѣжничанье съ простолюдиномъ настолько вредно отзывается на его моральной сторонѣ, непривычной къ подобному обращенію, что, пожалуй, „зеленая улица“ являлась болѣе раціональной и послѣдовательной воспитательницей, чѣмъ нынѣшній ласковый и добродушный воспитатель - начальникъ, несознающій и невѣдающій, какое зло онъ творитъ родинѣ своей неумѣстной добротой и ласковостью, и какую отвѣтственность беретъ онъ на себя передъ семьей того же простолюдина и передъ государствомъ, возвращая имъ обратно избалованнаго добротою солдата, глядящаго на отца и свою семью свысока и относящагося ко всѣмъ односельчанамъ высокомѣрно и съ пренебреженіемъ!

Обращеніе и отношеніе офицера къ нижнему чину имѣютъ въ воспитательномъ дѣлѣ такое огромное значеніе, настолько они портятъ или исправляютъ простолюдина, что каждому офицеру всегда и вездѣ слѣдуетъ помнить и не забывать вѣскихъ словъ Генерала Драгомирова, имѣющихъ весьма глубокое воспитательное значеніе—„держать подчи-

нѣннаго больше *силой воли*, чѣмъ наказаніями“ *).

Проявленіе силы волп мы видимъ: во взглядѣ, на словахъ, дѣйствіемъ и въ обращеніи. Весьма часто, одного пристальнаго, суроваго взгляда бываетъ болѣе достаточно для сдѣланія надлежащаго внушенія, чѣмъ цѣлой тирады словъ расходившагося и взволнованнаго начальника; иногда одно вѣское, убѣдительное слово, сказанное серьезно и не въ шутливой формѣ, больше повліяетъ на убѣжденіе и приведетъ подчиненнаго къ сознанію, чѣмъ сотня ласкательныхъ словъ и *голубчиковъ*, преподнесенныхъ по адресу виновнаго; наконецъ, все наше обращеніе должно дышать естественной суровостью, какъ суровъ трудъ, природа, семья, воспитавшія отданнаго на наше попеченіе новобранца, и какъ суровъ и серьезенъ весь нашъ служебный путь, обязывающій насъ жертвовать собою для защиты Государя и родины и, умирая съ чистой совѣстью, смертью своею подавать примѣръ своимъ подчиненнымъ!

Ласковость и привѣтливость начальника должны выражаться лишь въ поощрительной улыбкѣ, въ нѣсколькихъ добрыхъ, задушевныхъ словахъ, въ безобидной шуткѣ, въ дружескомъ ударѣ по плечу и все это должно служить поощреніемъ за такіе выдающіеся примѣрные поступки, которые безусловно заслуживаютъ и требуютъ похвалы и отличія. Только тогда поощрительная привѣтливость начальника будетъ цѣнима и вызоветъ соревно-

*) „Опытъ руководства для подготовки частей къ бою“ Генер. Драгомирова (ч. II, стр. 73).

ваніе, когда она будетъ проявляться искренно, отъ души, и только лишь въисключительныхъ случаяхъ; если-же она будетъ расточаться не по заслугамъ и за самые незначительные поступки, то она потеряетъ свой престижъ и небудетъ имѣть никакого рѣшающаго значенія.

Наконецъ, осталось намъ сказать еще нѣсколько словъ о той весьма важной психической сторонѣ человѣческой натуры именуемой *самолюбіемъ*, которая въ простолюдинѣ развита въ высокой степени и поэтому каждому начальнику, при обращеніи съ нимъ, слѣдуетъ серьезно съ ней считаться, памятуя, что нанесенная обида не скоро забывается, а иногда оставляетъ слѣды на долгіе годы.

Неопытный воспитатель вспылившій и погорячившійся, нерѣдко, для усугубленія наказанія, позволяетъ себѣ сопровождать таковое бранными эпитетами, въ числѣ которыхъ для большаго уничиженія провинившейся личности фигурируютъ слова „мужикъ“, „мужичина“, производящія какъ на виновнаго, такъ равно и на окружающую среду тягостное впечатлѣніе! У всѣхъ солдатъ, вышедшихъ изъ крестьянскаго сословія и составляющихъ подавляющее большинство всего состава ротной семьи, слышащихъ изъ устъ начальника пренебреженіе къ родному сословію, къ тѣмъ близкимъ людямъ, коихъ они любили, уважали и куда они опять-таки вернутся послѣ окончанія службы; слышащіе затѣмъ отъ порочнаго фабричнаго и мастерового то-же пренебреженіе къ „деревенщинѣ“ поневолѣ заговариваетъ, оскорбляется самолюбіе и являет-

ся неудовольствіе и недоброжелательство къ лицу, относящемуся пренебрежительно къ средѣ, вскормившей и воспитавшей ихъ! Наконецъ, если допустить даже, что у простолюдина-солдата нѣтъ самолюбія (допущеніе невѣроятное, если вспомнимъ о выдающихся подвигахъ суворовскихъ „чудо-богатырей“, копхъ знаменитый вождь и знатокъ сердца солдата пастраивалъ и электризовалъ, возбуждая самолюбіе напоминаніемъ о національной чести русскаго солдата), то и въ такомъ случаѣ, выставляя все сословіе (значитъ и семью даннаго солдата) въ унизительномъ свѣтѣ, мы прокладываемъ между нимъ и его прошлой жизнью *пропасть*, отвращаемъ и отчуждаемъ отъ крестьянской среды, склоняемъ мнѣніе къ тому воззрѣнію, что вся его прошлая жизнь была недостойной, что окружавшая его среда заслуживаетъ единственно презрѣнія, поэтому, и онъ понемногу начинаетъ засматриваться на все былое глазами своего начальника, и у него начинаетъ пробуждаться недостойный порядочнаго человѣка скептицизмъ въ отношеніи близкихъ ему людей и склоняться на сторону ловкихъ жителей города, а въ результатѣ, послѣ ухода домой на родину, и у него высказывается пренебреженіе къ односельчанамъ и желаніе всевозможными средствами стать выше ихъ, а при удобномъ случаѣ, отыскавъ городскую службу, покинуть и распрощаться съ неподходящей уже къ его воззрѣніямъ трудолюбивой и честной средой.

Наказанія.

Нужны-ли наказанія для солдата, и если они нужны, то какія именно, и какое должно быть ихъ примѣненіе на дѣлѣ?

Практика служебной жизни, съ которой каждый офицеръ сталкивается ежедневно, доказываетъ намъ, что двѣ категоріи нижнихъ чиновъ (за весьма малыми исключеніями) не нуждаются въ наказаніяхъ. Эти двѣ категоріи въ одинаковой степени усердно относятся къ служебнымъ требованіямъ, въ одинаковой степени примѣрно и чинно ведутъ себя, и *слово* начальника одинаково оказываетъ на нихъ надлежащее давленіе, принимается близко къ сердцу и является вполнѣ достаточнымъ средствомъ для веденія въ извѣстномъ направленіи человѣка.

Подкладка такого отношенія къ службѣ и жизни въ каждой изъ двухъ группъ разная: первая изъ нихъ—*новобранцы*—служитъ усердно, ведетъ нравственную жизнь вслѣдствіе тѣхъ привычекъ, которыми напиталась она у себя дома, вслѣдствіе привычки къ серьезности, труду, порядочной жизни и, наконецъ, небольшая часть ея, изъ боязни „фантастической палки“, разсказы о которой глубоко внѣдрились въ голову новобранца и отождествили понятіе о службѣ съ неизбѣжной-же палкой. Другая категорія, служащая усердно и внимательно относящаяся къ порядкамъ ротной семьи (хотя въ душѣ, можетъ быть, всему этому и несочувствующая) сдерживаетъ себя единственно подъ страхомъ не фантастической, а фактической, дѣйствительной палки,

подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія; но надо отдать справедливость и этой *штрафованной* группѣ нижнихъ чиновъ, группѣ, изъятой изъ общаго гуманнаго правила, что большинство изъ нихъ боится этой кары, не вслѣдствіе страха передъ физическимъ страданіемъ, а единственно стыдъ передъ товарищами заставляетъ ихъ всѣми силами остерегаться и не попадаться подъ столь позорное наказаніе. Слѣдовательно, осталась еще третья категорія старослужащихъ нижнихъ чиновъ, которая, ознакомившись поближе со всѣми порядками службы, пройдя подготовительный періодъ новобранческой жизни и видя привѣтливость, обходительность со стороны начальника, встрѣчая не серьезность и разумную строгость, а лишь похвалу, ласковость и доброту, облѣнилась, опустилась и забыла прежнюю суровую, трудовую жизнь, однимъ словомъ, испортилась настолько, что требуетъ уже болѣе или менѣе чувствительныхъ *подталкиваній*, для напоминанія о болѣе аккуратной жизни и требованіяхъ военной службы.

Отнесись начальникъ съ перваго дня службы новобранца въ ротѣ болѣе сурово и требовательно къ нему, обращайся съ нимъ не какъ съ изнѣженнымъ недорослемъ, а какъ со взрослымъ, возмужалымъ и серьезнымъ человѣкомъ, тогда-бы и этой категоріи нижнихъ чиновъ не такъ скоро потребовались-бы подталкиванія и напоминанія; ложное-же наше обращеніе безусловно портитъ новобранца, что становится намъ яснымъ лишь впослѣдствіи и тогда, какъ за якорь спасенія, мы цѣпляемся за

уставъ дисциплинарный, указывающій роды, мѣры и послѣдовательность наказаній, предоставленныхъ въ распоряженіе начальника для исправленія портящагося нравственно нижняго чина.

Слѣдовательно, большинство нижнихъ чиновъ, опустившись, облѣнившись и распустившись, вынуждаютъ начальника для сдержанія ихъ въ извѣстныхъ границахъ, прибѣгать къ принудительнымъ средствамъ, т. е. къ наказаніямъ, но такъ какъ факторами добропорядочной жизни первой новобранческой группы является отчасти, а во второй, штрафованной—безусловный страхъ передъ наказаніемъ, то очевидно, что карательныя мѣры для человѣка необходимы, и отвергать таковыя совершенно было-бы лишь безцѣльнымъ и ни къ чему не ведущимъ фразерствомъ. Остается только изложить какое примѣненіе на практикѣ должно быть дано, имѣющимся во власти начальника, наказаніямъ и когда таковыя могутъ оказывать въ воспитательномъ дѣлѣ дѣйствительную помощь.

Уставъ дисциплинарный, указывая намъ послѣдовательную лѣстницу взысканій, по существу своему не представляющихъ для простолюдина въ физическомъ отношеніи особенной тягости, вѣроятно имѣлъ въ виду, что каждый офицеръ своимъ личнымъ отношеніемъ къ воспитательному дѣлу, своимъ умѣлымъ обращеніемъ и проявленіемъ силы воли, настолько будетъ вліять на подвѣдомственныхъ ему нижнихъ чиновъ, настолько разовьетъ и подготовитъ ихъ, что и тѣ *нравственно-карательныя* мѣры будутъ въ его рукахъ вполнѣ достаточными предупреди-

тельными средствами для воздѣйствія на убѣжденіе простолюдина. Слѣдовательно, зная заранѣе какими принудительными мѣрами каждый изъ насъ располагаетъ, зная затѣмъ, что эти мѣры для человѣка, уважающаго лишь грубую силу, т. е. невоспитаннаго, или-же воспитаннаго на свой особый деревенскій ладъ, не составляютъ никакой тягости, самое лучшее не злоупотреблять таковыми, а дать имъ назначеніе невѣдомаго, неиспытаннаго Дамоклова меча, висящаго надъ головою и ежечасно могущаго упасть, въ случаѣ малѣйшаго нарушенія установленныхъ порядковъ. Какъ нацѣленное ружье сильнѣе производитъ впечатлѣніе и заставляетъ больше трепетать сердце до выстрѣла, чѣмъ послѣ таковаго, такъ-же точно и взысканіе, висящее надъ головою солдата, вынуждаетъ его остерегаться и внимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ въ ожиданіи незнакомаго еще ему наказанія. Сплошь и рядомъ приходится наблюдать, что всѣ предвѣстники нравственной порчи солдата какъ то: лѣнь, невниманіе, неряшливость, грубость, гораздо скорѣе исправлялись напоминаніемъ и предупрежденіемъ, чѣмъ торопливо наложеннымъ взысканіемъ. Достаточно дать почувствовать портящемуся солдату, что начальникъ видитъ и наблюдаетъ его поступки, и онъ моментально отрезвляется и подтягивается; разъ же мы поспѣшно и неосмотрительно станемъ примѣнять рядъ взысканій, то онъ свыкается съ ними и, не чувствуя, вѣроятно, особенной тягости, еще болѣе опускается, однимъ словомъ, тупѣетъ, обезчувствовывается, дѣлаетъ проступокъ за проступкомъ

и въ результатѣ попадаетъ на скамью подсудимыхъ. Въ особенности не слѣдуетъ рано примѣнять взысканій къ молодымъ солдатамъ, такъ какъ каждый изъ нихъ (за весьма малыми исключеніями) относится къ службѣ и военнымъ порядкамъ съ большимъ рвеніемъ и стараніемъ, и если иногда дѣлаетъ проступки, то не сознавая даже, что онъ нарушаетъ порядокъ службы, и въ данномъ случаѣ всегда больше бываетъ виноватымъ дядька-учитель, допустившій молодого къ нарушенію порядка, чѣмъ самъ провинившійся. Но не слѣдуетъ забывать и того обстоятельства, что между пришедшими въ роту молодыми бываютъ люди порочные, люди сдерживающіе себя изъ за страха передъ наказаніемъ, поэтому, первый совершенный молодымъ солдатомъ проступокъ слѣдуетъ разобрать самымъ тщательнымъ образомъ, допскаться причины, побудившей его совершить таковой, и если начальникъ увѣрится, что причинъ посторонних нѣтъ, что провинившійся совершилъ противозаконное дѣяніе единственно вслѣдствіе своей испорченной натуры, то тогда необходимо примѣнить взысканіе возможно строгое и этой строгой мѣрой заставить порочнаго уважать законъ и установленные порядки.

На сколько осторожно должно быть примѣненіе взысканій къ молодымъ солдатамъ, настолько строго и чувствительно къ начальствующимъ нижнимъ чинамъ. Если напился въ кабакѣ рядовой, если онъ въ нетрезвомъ видѣ учинилъ безпорядокъ, затѣялъ драку, то на первыхъ порахъ и власти ротнаго командира достаточно, чтобы взыскать съ виновнаго;

но если то-же самое натворилъ унтеръ-офицеръ или ефрейторъ, то на такое нарушеніе порядка слѣдусть взглянутъ серьезнѣе и, не затаивая въ ротѣ проступка, донести о немъ высшему начальству, дабы провинившагося лишили полученныхъ имъ отличій и, вмѣстѣ съ лишеніемъ званія, отняли у него возможность преподанія дурного примѣра его подчиненымъ.

Приказъ по части о лишеніи унтеръ-офицерскаго или ефрейторскаго званія, прочитанный собранной ротѣ, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить напоминаніемъ и предупрежденіемъ людямъ, что ни одинъ проступокъ военно-служащаго, кто бы онъ ни былъ, не пройдетъ даромъ, безъ взысканія и, поэтому, если у кого-либо и существуетъ намѣреніе или поползновеніе нарушить узаконенный порядокъ, то чтобы поостерегся, поразмыслилъ и взвѣсилъ прелесть проступка съ тяжестью ожидаемаго наказанія.

Чрезвычайно вредно отзывающимся на жизни ротной семьи нужно считать пріемъ, практикуемый нерѣдко въ войскахъ и исходящій изъ той точки зрѣнія, чтобы не выпускать за предѣлы роты все то нехорошее, что можетъ набросить тѣнь на нее и, тѣмъ самымъ, дать поводъ къ неудовольствію высшаго начальства. Желаніе представить старшему начальнику все въ блестящемъ видѣ настолько сильно развито въ войскахъ, что послѣдствіемъ этого является затаиваніе проступковъ, по своему характеру требующихъ наказанія не дисциплинарнаго, а безусловнаго преданія виновнаго суду. Желаніе показать всегда *товаръ лицомъ*, порож-

даетъ скрытность, которая во всѣхъ отношеніяхъ не только не желательна но, на нашъ взглядъ, не можетъ быть даже терпима! Вѣдь, если ротный командиръ станетъ утаивать передъ баталіоннымъ и полковымъ командирами все нехорошее, то, въ свою очередь, можетъ ожидать того-же самаго и отъ своихъ подчиненныхъ, а развѣ это желательно?! Безъ сомнѣнія, каждому начальнику гораздо пріятнѣе и спокойнѣе получать доклады и видѣть на каждомъ шагу лишь все хорошее; но если случилось дурное, онъ и это долженъ видѣть и объ этомъ онъ долженъ знать! Между тѣмъ, затаиваніе проступковъ, влекущихъ за собою преданіе суду, разрушаетъ въ ротѣ увѣренность въ строгой послѣдовательности мѣры наказаній и приводитъ ихъ къ убѣжденію, что все равно, что бы онъ ни сдѣлалъ, ротный командиръ не донесетъ объ этомъ и концы схоронитъ въ воду. Такимъ образомъ, затаиваніе проступковъ разрушаетъ въ ротѣ увѣренность въ честности и справедливости военныхъ порядковъ, и если хорошій, усердный солдатъ увидѣлъ, что его маловажный проступокъ сравненъ, однородностью кары, съ тяжкимъ преступленіемъ его-же товарища, разъ онъ пришелъ къ заключенію, что начальникъ взыскиваетъ „зря, наобумъ“ и поступаетъ несправедливо, пропадаетъ въ немъ увѣренность въ безпристрастіи офицера, пропадаетъ желаніе вести себя порядочно, и онъ примыкаетъ къ категоріи людей опустившихся, на которыхъ и слово, и наказаніе перестаютъ оказывать вліяніе.

Поэтому, въ началѣ должно быть *слово* увѣщевающе и наставляюще порочнаго или портящагося человѣка; слово, исходящее изъ устъ начальника, безграничнo преданнаго святому дѣлу и желающаго исправленія своего подчиненнаго; но если таковое не дѣйствуетъ, то вслѣдъ за этимъ должно быть примѣнено быстрое, какъ ударъ молніи наказаніе, суровое и чувствительное, которое заставило-бы безнравственнаго человѣка очнуться, опомниться и трезвѣе взглянуть на жизнь и установленные ею порядки.

Заботливость.

Законъ, требующій примѣненія немедленной кары за каждый проступокъ провинившагося нижняго чина, вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ начальниковъ заботиться о нуждахъ своихъ подчиненныхъ—быть ихъ наставникомъ, ходатаемъ, защитникомъ; однимъ словомъ, ставитъ офицера въ положеніе не только лишь „Юпитера“, бросающаго громы въ своихъ подчиненныхъ, но въ положеніе человѣка снисходящаго и чутко прислушивающагося ко всякой потребности меньшей братьи, старающагося настолько развить довѣріе къ себѣ, въ людяхъ своей роты, чтобы каждый изъ нихъ, въ случаѣ нужды, бѣды или несчастья, обратился къ ротному командиру безъ страха и съ полной увѣренностью, что его не распекутъ, а выслушаютъ и, по мѣрѣ возможности, помогутъ.

Но какими способами можно добиться въ ротѣ

довѣрія? Какъ достигнуть такого взаимнаго отношенія, чтобы подчиненный, *почитая* и *уважая* своего командира, а также соблюдая всѣ правила вѣжливости и чинопочитанія, пришелъ безъ страха къ нему на домъ и высказалъ безъ стѣсненія то, что у него лежитъ на душѣ—высказалъ всѣ свои потребности, нужды и просьбы.

Добиваться самому довѣрія не годится, такъ какъ каждый простолюдинъ, вмѣстѣ съ природнымъ умомъ или тупоуміемъ, обладаетъ значительной долей хитрости, и если смекнетъ, что начальникъ самъ навязывается съ своими совѣтами или помощью, то сейчасъ же начнетъ его эксплоатировать: прикинется такимъ несчастнымъ, обиженнымъ, дабы получить какую-либо льготу, что выслушавшій и разжалобившійся офицеръ сдѣлаетъ все возможное для него, лишь-бы помочь просителю; между тѣмъ, онъ-же впослѣдствіи первый передъ товарищами станетъ похваляться своей находчивостью и умѣніемъ провести начальника. Нѣтъ! Ротному командиру не слѣдуетъ даже намекать людямъ, что онъ входитъ въ ихъ нужды; они сами должны это понять изъ его-же поступковъ и обращенія съ ними. Если подчиненный уважаетъ своего начальника, если *вѣритъ* ему, то и безъ намековъ, въ нуждѣ, придетъ за совѣтомъ или помощью—тоже къ нему.

Первымъ залогомъ для развитія довѣрія людей къ офицеру нужно считать полнѣйшую заботливость, съ его стороны, ко всѣмъ житейскимъ потребностямъ его-же подчиненныхъ. Заботливость эта должна, прежде всего, проявиться въ томъ, чтобы

весь отпускъ отъ казны всѣхъ видовъ довольствія, не только своевременно доходилъ по назначенію, но чтобы солдатъ получалъ все это возможно лучшаго качества и видѣлъ наглядно, что ротный командиръ зорко смотритъ за всѣмъ отпускаемымъ, что преслѣдуетъ не только злоупотребленіе въ недопускѣ или недовѣсѣ, но строго контролируетъ даже тѣхъ, кто, хотя-бы по-суточно, приставленъ для присмотра за порядкомъ пріема и выдачи отпускаемаго.

Безъ сомнѣнія, инициатива и регулированіе всѣхъ возбуждаемыхъ вопросовъ и заявленій по довольствію нижнихъ чиновъ должны исходить отъ старшихъ войсковыхъ начальниковъ; но какъ-бы они ни старались и заботились объ улучшеніи довольствія, дѣло это никогда не достигнетъ надлежащаго совершенства, если младшіе начальники, т. е. ротные командиры и субалтернъ-офицеры не приложатъ стараній, чтобы лица, отпускающія и принимающія предметы довольствія, не дѣлали злоупотребленій. Здѣсь-то именно и работа младшихъ начальниковъ присмотрѣть и не допустить злоупотребленій, напрячь всѣ свои старанія, дабы единичныя личности не разрушали всѣхъ трудовъ, хлопотъ и сердечной заботливости старшаго начальника; не допустить, чтобы эти недостойныя личности неподкапывали въ цѣлой ротѣ увѣренности въ безкорыстіи и честности военныхъ порядковъ. Трудъ это и работа немалая, но зато, заботливый начальникъ сторицей будетъ вознагражденъ въ нравственномъ отношеніи; люди, видящіе своего командира всегда тамъ, гдѣ дѣло касается ихъ

пользы, испытывающіе затѣмъ фактически результаты всѣхъ этихъ хлопотъ и стараній, додумаются постепенно, что все это дѣлается ради ихъ интереса; додумаются, что офицеру, радѣющему объ ихъ пользѣ, можно вѣрить, можно и довѣриться, слѣдовательно, первый шагъ къ снисканію довѣрія въ ротѣ, такимъ рот. командиромъ, будетъ сдѣланъ.

Но это лишь первый шагъ, въ сущности-же при постоянной совмѣстной службѣ съ подчиненными, будетъ встрѣчаться много такихъ случаевъ, гдѣ рот. командиръ не словомъ, а дѣломъ можетъ снискать себѣ уваженіе и довѣріе роты. Мы здѣсь не упоминаемъ слова *любовь*; слово это черезчуръ нѣжно и неподходяще къ нашей суровой, серьезной службѣ, и если оно въ военномъ лексиконѣ и существуетъ, то лишь въ исключительныхъ случаяхъ, не дающихъ права для обобщеній! Можетъ быть, отдѣльныя личности и будутъ въ душѣ любить своего справедливаго, строгаго и заботливаго начальника, но *уважать* и *вѣрить* должны всѣ поголовно! Даже личности, пострадавшія вслѣдствіе своихъ незаконныхъ дѣяній, и тѣ не могутъ отказать въ уваженіи и довѣріи къ своему командиру, разъ онъ справедливо и въ мѣру примѣнилъ заслуженное наказаніе.

Послѣдующая дѣятельность входящаго въ нужды и заботящагося о житьѣ своихъ подчиненныхъ начальника должна обратить вниманіе на людей страждущихъ, на людей трудно-больныхъ, изнывающихъ въ лазаретѣ или госпиталѣ какъ отъ одержимаго недуга, такъ равно и обособленія,

не получающихъ извѣстій ни изъ роты, ни отъ своихъ родныхъ. Можетъ быть, въ ротѣ и получено томительно ожидаемое письмо, но ротный командиръ не можетъ отослать его въ госпиталь и, поэтому, въ ожиданіи выздоровленія больного, хранитъ его у себя въ ящикѣ письменнаго стола, или-же, исполняя буквально § Положенія о хозяйствѣ въ ротѣ, представляетъ при рапортѣ обратно въ полкъ; больной-же солдатикъ, вѣроятно и получившій окольными путями извѣстіе, что къ нему писали родные, знающій, что ему прислали нужную копѣйку, самъ неотзовется съ просьбой о присылкѣ таковыхъ въ больницу, такъ какъ порядокъ выдачи денежныхъ писемъ знаетъ досконально и, наконецъ, не смѣетъ безпокоить ротнаго командира! Всѣ эти соображенія (всего-же чаще -неизвѣстность) бываютъ причиной, что ни одинъ больной не отзывается о присылкѣ ему въ госпиталь денежнаго письма. Но изъ этого молчанія еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что онъ не нуждается въ письмѣ или копѣйкѣ? Вѣроятнѣе всего, что какъ посланіе родителей, такъ и приложенная деньга ему крайне нужны и необходимы, поэтому, заботливый ротный командиръ, интересующійся своими людьми, сдѣлаетъ благое дѣло, если самолично вручитъ тоскующему солдатику посланіе родныхъ и, если получатель неграмотный, прочтетъ содержимое. А если письма къ больному нѣтъ, значитъ и навѣщать не нужно?! Неужели ротному командиру не интересно узнать, что дѣлается съ его подчиненнымъ! Неужели больной *Ивановъ*, усердный, хорошій солдатъ, а если

даже и испорченный нравственно, то все таки нашъ же подчиненный, съ которымъ офицеръ дѣлитъ всѣ радости и печали службы, который въ бою, можетъ быть, грудью своей защититъ направленный въ грудь начальника ударъ, не заслуживаетъ того, чтобы посвятить ему минутку времени и, навѣстивъ его, присѣсть къ нему на кровать, влить въ него оживленіе, подбодрить, разсказать что слышно въ ротѣ, однимъ словомъ, оторвать его, хотя на время, отъ тоскливой обстановки больницы; принести съ собою запасъ жизни, такъ безграничнo жаждаемой каждымъ трудно больнымъ. Посѣщеніями такими настолько нравственно оживляется больной, такая радость свѣтится въ его глазахъ, настолько глубоко его тоскующая и изнуренная душа благодарна офицеру за доставленное оживленіе, что впослѣдствіи, послѣ выздоровленія это будетъ самая преданная начальнику личность, больше своими разсказами и похвалой въ ротѣ работающая на пользу офицера, а слѣдовательно и воспитательнаго дѣла, чѣмъ самоличная голословная навязчивость того-же офицера по снисканію довѣрія въ ротѣ.

Кромѣ больныхъ и страждущихъ, въ ротѣ бываетъ всегда нѣсколько человѣкъ такихъ нижнихъ чиновъ, которые всю свою службу не получаютъ ни отъ кого не только денегъ, но и писемъ, и, при всей своей расчетливости, неимѣющіе возможности свести концы съ концами изъ получаемаго жалованья, дабы всегда въ полной исправности и чистотѣ была обувь, затрудняющіеся откуда взять копѣй-

ку для покупки тюфяка на лагерное время, ближе теплыхъ чулокъ на время зимнихъ холодовъ. Разрѣшеніе въ послѣдніе годы вольныхъ работъ *въ лѣтнее время* дало возможность заработать неполучающему денежныхъ писемъ солдату лишнюю копѣйку и поставило ротныхъ командировъ въ такое положеніе, что явилась возможность потребовать отъ каждаго подчиненнаго, чтобы онъ завелъ себѣ вещи, неотпускаемыя отъ казны, но необходимыя для обыденной жизни. Но бываютъ годы, что смотръ стрѣльбы совпадаетъ со временемъ вольныхъ работъ, тогда послѣднія откладываются до осени; осенью же части, квартирующія въ провинціи, кромѣ полевыхъ работъ, ничего другого пріискать не могутъ; кромѣ того, поденная плата хозяевъ-земледѣльцевъ осенью, за окончаніемъ страднаго времени, понижается до минимума, и отправленный на работу солдатъ больше истреплетъ сапогъ и износитъ мундирной одежды, чѣмъ выручитъ за свою работу денегъ, поэтому рот. командиру приходится изыскивать средства, чтобы неимущій солдатъ имѣлъ все необходимое и не былъ хуже и неисправнѣе своихъ-же сослуживцевъ-одноротцевъ. Но откуда же взять эти средства? Давать солдату изъ своего кармана безвозвратно не слѣдуетъ, такъ какъ этими подачками можно развить въ подчиненномъ полнѣйшее нерадѣніе къ своимъ же потребностямъ; но вещь необходимую всегда слѣдуетъ купить, хотя-бы изъ своихъ-же денегъ и предупредить солдата, что дается это взаймы; на будущее же лѣто, когда заработаетъ копѣйку, онъ обязанъ

возвратить одолженное. Но такъ какъ каждый простолюдинъ, вслѣдствіе своей неразвитости, бываетъ чрезвычайно подозрительнымъ и можетъ усмотрѣть въ добромъ намѣреніи офицера желаніе попользоваться его-же трудовой копѣйкой, то лучше всего будетъ, если нужная для него-же вещь покупается въ его-же присутствіи, по его-же выбору, съ участіемъ отдѣленнаго или взводнаго начальника.

Много бываетъ случаевъ въ совмѣстной жизни, когда ротный командиръ можетъ *на дѣлѣ* выказать своимъ людямъ заботливость объ ихъ нуждахъ, и разъ они увидятъ и въ ротѣ привьется убѣжденіе въ добрыхъ намѣреніяхъ офицера, рота иначе будетъ относиться какъ къ службѣ, такъ и лично къ начальнику; слово его будетъ имѣть полное значеніе и не нужно будетъ намековъ на готовность помочь имъ въ нуждѣ и бѣдѣ; сами они явятся какъ съ просьбой, такъ и за необходимымъ совѣтомъ!.

Внутренній порядокъ.

Двигателями, воспитавшими простолюдина въ нравственныхъ началахъ, безусловно слѣдуетъ считать личный примѣръ трудолюбиваго и честнаго главы семейства, а также заведенный дома строгій режимъ и порядокъ. Ребенокъ, съ первыхъ дней жизни втягивается понемногу въ извѣстную жизнь. Обстановка семейнаго быта захватываетъ въ себя всю крестьянскую семью, и если этотъ порядокъ жизни привьется къ ея членамъ, если они свыкнутся съ порядочной жизнью, то въ результатѣ

молодое поколѣніе выходитъ изъ родного гнѣзда, хотя не сознавая, не понимая и не отдавая себѣ яснаго отчета о причинѣ ихъ воспитанія, но съ твердыми нравственными основами по *привычкѣ*, вслѣдствіе втянутости въ нравственную, порядочную жизнь.

Недаромъ простонародная поговорка гласитъ, что „навыкъ есть вторая натура“! Вѣдь что собственно заставляетъ часто солдата дѣлать проступки, за которые попадаетъ онъ на скамью подсудимыхъ? Не нужда-же, не необходимость незаконными путями подыскивать средства для существованія, а одинъ лишь укоренившійся раньше, въ дослужебное время, или же на службѣ, навыкъ относиться легко къ пьянству и къ чужой вещи! Поэтому необходимо, съ перваго шага службы молодого солдата, вдѣлать его въ такую рамку, поставить въ такую обстановку, гдѣ не было-бы простора для его испорченной натуры, гдѣ-бы его прежній навыкъ не могъ проявиться, однимъ словомъ, недопустить его до преступленія. Съ теченіемъ же времени, не имѣя возможности проявить свои дурныя наклонности, видя кругомъ себя лишь хорошій примѣръ, онъ свыкнется съ нравственной жизнью и если пришелъ на службу испорченнымъ, то на службѣ же исправится.

Но какими мѣрами обладаетъ ротный командиръ, чтобы не допустить подчиненнаго къ содѣянію преступленія?

Въ нашихъ рукахъ имѣется для этого весьма вѣское средство, это „Уставъ внутренней службы“.

Упомянутый уставъ, это система порядка жизни сотни людей. Если этотъ порядокъ привьется къ ротѣ, если каждый изъ членовъ ротной семьи, войдя въ указанную ему жизне-служебную колею, будетъ подвигаться по ней, не уклоняясь и не нарушая этой системы, то явится порядочная жизнь; слѣдовательно, люди, поддерживающіе указанный порядокъ, сами будутъ заслуживать названіе „порядочныхъ людей". Добропорядочная-же жизнь есть основаніе нравственности. Человѣкъ хорошій, нравственный, при скверной обстановкѣ, т. е. при безпорядочной жизни, портится и, наоборотъ: аккуратная, дышащая порядкомъ обстановка можетъ исправить безнравственнаго.

Внутренній порядокъ ротной семьи, основанный на существующихъ узаконеніяхъ, направляемый ротнымъ командиромъ, находится на самомъ дѣлѣ фактически не въ его рукахъ, а всецѣло въ рукахъ младшихъ начальниковъ изъ нижнихъ-же чиновъ, т. е. фельдфебеля, взводныхъ унтеръ-офицеровъ и отдѣленныхъ начальниковъ.

Блюстителей порядка много и, казалось-бы, что при такой обстановкѣ, при такой системѣ, внутренняя жизнь казармы должна была-бы функціонировать правильно, какъ разъ заведенный механизмъ чинно, неустанно, захватывая въ свои строгія объятія всю массу людей, не допуская отдѣльныя единицы къ нарушенію этой системы и, такимъ образомъ, вталкивая каждаго индивидуума въ строго начертанную служебно-нравственную колею. Если-бы дѣйствительно этотъ внутренній меха-

низмъ работалъ аккуратно, то проступки дошли-бы до минимума, Начальниковъ-контролеровъ такъ много, что трудно даже допустить, чтобы на глазахъ того-же начальства кто-либо могъ творить беззакоиія, а тѣмъ болѣе испортиться и пошатнуться въ тѣхъ нравственныхъ основахъ, которыя привиты были къ нему чуть-ли не съ перваго дня рожденія. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, видимъ нерѣдко совершенно аномальныя явленія: не смотря на наружную чинную и порядочную обстановку, не только не исправляются люди, не только не перевоспитываются безнравственныя личности, но даже порядочные, нравственные солдаты и тѣ иногда портятся и уходятъ домой на родину съ иными (нехорошими) взглядами и стремленіями.

Причинами, столь отрицательно вліяющими на нравственность молодыхъ людей, слѣдуетъ считать: 1) неисполненіе внутренняго узаконеннаго порядка ротной жизни, и 2) ненахожденіе, въ свободное время, средствъ и способовъ для заполненія этихъ, незанятыхъ службой, льготныхъ часовъ.

Такъ какъ ближайшій непосредственный присмотръ за внутренней жизнью казармы (какъ нами выше уже было сказано) находится безспорно въ рукахъ младшаго начальства, поэтому считаемъ необходимымъ коснуться ихъ дѣятельности, имѣющей, вслѣдствіе совмѣстной жизни и постояннаго общенія, неотразимое вліяніе на воспитаніе членовъ ротной семьи.

Законъ, предвидя, что однимъ офицерамъ, не

живущимъ совмѣстно съ солдатомъ въ казармѣ, нѣтъ возможности присмотрѣть за каждымъ шагомъ, словомъ и дѣйствіемъ нижняго чина, далъ имъ помощниковъ въ лицѣ фельдфебеля, взводныхъ унтеръ-офицеровъ и отдѣленныхъ начальниковъ. Организація эта настолько хороша и практична, что просуществовала безъ измѣненія слишкомъ сотню лѣтъ и, измѣнивъ только названіе должностей *), по смыслу и назначенію, осталась совершенно нетронутой. Что, кажется, можетъ быть лучшаго, какъ имѣть надъ каждымъ десяткомъ людей одного унтеръ офицера или ефрейтора, человѣка испытанной нравственности, лучшаго по строю, толковаго, развитого, живущаго совмѣстной жизнью съ своимъ подчиненнымъ и, вслѣдствіе этого, знающаго даже, приблизительно, о чемъ думаетъ ввѣренное его попеченію лицо; наконецъ, въ военное время, въ бою онъ-же подаетъ собою примѣръ самоотверженія, выносливости; наблюдаетъ неусыпно за своимъ отдѣленіемъ, успокаиваетъ его въ случаѣ овладѣвшаго волненія, присматриваетъ за уборкой раненыхъ и т. д., однимъ словомъ, если-бы подыскать такихъ идеальныхъ 8 отдѣленныхъ начальниковъ и, вдобавокъ, надъ ними поставить безукоризненныхъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ, то дѣло постановки въ ротную рамку прибывшихъ людей настолько упростилось, что можно было-бы

---

*) Званіе „Капралъ“ введено въ нашу армію Императоромъ Петромъ Великимъ: при Императорѣ Николаѣ I замѣнено званіемъ „Отдѣленный унтеръ-офицеръ“ (Энциклоп. воен. и морск. наукъ“ ген.-лейт. Леера).

быть совершенно спокойнымъ, что они недопустятъ своихъ подчиненныхъ къ содѣянію проступка, что они исправятъ самаго закоренѣлаго грѣшника.

Какія-же мѣры принимаются начальствомъ, включительно до ротнаго командира, для подысканія столь необходимыхъ и нужныхъ людей? Прежде всего, Правительство, какъ видно, не жалѣетъ средствъ для постановки этого дѣла на надлежащую высоту: увеличеніе денежныхъ премій и различныхъ служебныхъ льготъ, ясно свидѣтельствуютъ насколько Высшая инстанція серьезно смотритъ на унтеръ-офицерскій вопросъ и съ тѣмъ вмѣстѣ на нравственное и боевое воспитаніе войскъ; но такъ какъ число сверхсрочнослужащихъ унтеръ-офицеровъ (2 старшихъ унтеръ-офицера и 1 фельдфебель на роту) ограничено весьма незначительнымъ процентомъ, въ сравненіи съ количествомъ положенныхъ должностей (включая 8 отдѣленныхъ), то о пополненіи недостающаго большинства командиръ роты обязанъ самъ лично заботиться и подыскивать необходимыхъ помощниковъ изъ имѣемаго-же въ ротѣ налицо, подъ рукою, служащаго дѣйствительную службу, матеріала.

Если ротный командиръ знаетъ своихъ людей съ перваго дня ихъ службы въ ротѣ, если слѣдитъ внимательно за характеромъ, нравственностью и служебной дѣятельностью, то и выборъ, въ большинствѣ случаевъ, сдѣлаетъ соотвѣтствующій и удачный. Офицеръ, не вникающій въ внутреннюю жизнь казармы, не интересующійся времяпрепро-

вожденіемъ и домашней позаслужебной жизнью солдата, знающій его лишь съ строевой точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, будетъ совѣтоваться съ фельдфебелемъ, взводными унтеръ-офицерами и въ результатѣ сдѣлаетъ выборъ неудачный. Ротное начальство изъ нижнихъ чиновъ, на сколько мы убѣдились, считаетъ человѣка вполнѣ хорошимъ и достойнымъ ефрейторской нашивки, или-же посылки въ учебную команду, если онъ хорошъ по строю обладаетъ представительной наружностью; нравственной-же стороной рекомендуемаго къ повышенію нижняго чина вполнѣ игнорируетъ; между тѣмъ, заглянувъ въ журналъ взысканій такого кандидата въ начальники, нерѣдко видимъ, что онъ подвергался взысканіямъ за пьянство и самовольную отлучку, однимъ словомъ, обладаетъ весьма шаткой нравственностью, не дающей никакой гарантіи, что и въ будущемъ, когда онъ будетъ состоять въ числѣ лицъ, которыя больше могутъ принести вреда и внести развращающій примѣръ въ среду своихъ подчиненныхъ, тѣ-же проступки не повторятся. Къ выбору-же отдѣленныхъ начальниковъ и кандидатовъ для прохожденія курса учебной команды, т. е. будущихъ унтеръ-офицеровъ, ротному командиру слѣдуетъ отнестись съ такимъ вниманіемъ, такую строгую оцѣнку сдѣлать каждому намѣчаемому къ повышенію, что, право, не опибемся, если скажемъ, что разъ офицеромъ сдѣланъ удачный соотвѣтствующій выборъ помощниковъ, то воспитательная работа на половину ему-же облегчена.

Но если даже допустимъ, что ротнымъ командиромъ, прекрасно знающимъ своихъ людей, будетъ сдѣлано вполнѣ соотвѣтствующее и правильное назначеніе, то и въ такомъ случаѣ не вполнѣ еще обезпечено въ ротѣ правильное отправленіе внутренней службы, и невозможно поручиться, что, даже при надлежащемъ руководствѣ и присмотрѣ, со стороны офицера, тѣ-же помощники будутъ настоящими и неуклонными руководителями порядка жизни ротной семьи.

Выборъ кандидатовъ на унтеръ-офицерское званіе приходится дѣлать изъ числа людей послѣднихъ двухъ младшихъ сроковъ службы, въ тѣхъ видахъ, чтобы хотя годъ лишній они прослужили въ качествѣ начальниковъ; но теперь взглянемъ съ какими неудобствами сопряженъ этотъ выборъ. Мы не станемъ здѣсь касаться общеизвѣстной слабой стороны такихъ начальниковъ, что они настолько мало служили, настолько непрактичны, что иногда трудно даже отъ нихъ требовать авторитетности начальнической; но дѣло въ томъ, чьими-же они становятся начальниками! Своихъ-же сослуживцевъ-*земляковъ*, а также тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои большее число лѣтъ состоятъ на службѣ и смотрятъ, вслѣдствіе этого, на поставленнаго надъ ними начальника съ плохо скрываемымъ недовѣріемъ, а то и...недоброжелательствомъ. Каждый строевой офицеръ несомнѣнно могъ лично наблюдать, что рядовой учитель, въ отношеніи молодого солдата, является болѣе авторитетнымъ начальникомъ, болѣе толковымъ руководителемъ и учителемъ, чѣмъ ефрейторъ или даже унтеръ-офицеръ

въ отношеніи такихъ-же подчиненныхъ, но только изъ числа старослужащихъ нижнихъ чиновъ.

Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, у каждаго изъ нихъ свѣжо еще въ памяти то время, когда они были молодыми солдатами: вмѣстѣ ихъ учили, вмѣстѣ они спали и горевали, можетъ быть сжились и подружились и вслѣдъ за тѣмъ, спустя нѣкоторое время, тотъ-же товарищъ-землякъ и однокашникъ поставленъ ему въ начальники, дана ему власть и каждое его приказаніе необходимо исполнить „точно и безпрекословно“, а въ личныхъ отношеніяхъ соблюсти вѣжливость и почтительность. Но еще рельефнѣе обрисуется настоящая картина, если вспомнимъ, что каждый ефрейторъ (дядька)—учитель молодого солдата, показывающій ему чуть-ли не какъ слѣдуетъ спать въ казармѣ, направляющій первые служебные шаги новобранца и, нерѣдко, подтянувшій сего послѣдняго, черезъ годъ, много—два, будетъ уже въ подначальи у своего же ученика и воспитанника, окончившаго въ первый годъ службы учебную команду.

Законъ предвидѣлъ это обстоятельство и указалъ степени старшинства въ ротѣ нижнихъ чиновъ. Но, въ большинствѣ случаевъ, *землячество* пересиливаетъ требованія дисциплины и въ результатѣ—унтеръ-офицеръ и ефрейторъ-*однороты* дѣлаютъ льготы и смотрятъ сквозь пальцы на проступки земляка-же *однороты*-рядового.

Между тѣмъ, изъ нашихъ же наблюденій надъ

различными сборными командами отъ всѣхъ ротъ полка, съ назначеннымъ за старшаго, изъ любой же роты, не только унтеръ-офицеромъ, но и ефрейторомъ, дѣло представлялось въ совершенно иномъ свѣтѣ: чѣмъ больше стремленія оказывали люди, собранные отовсюду, къ нарушенію дисциплинарной и внутренней службы, тѣмъ энергичнѣе и авторитетнѣе становился ефрейторъ, назначенный за начальника, и тѣмъ обильнѣе сыпались, въ предѣлахъ его власти, наказанія! Откуда-же, вопросъ, при настоящей обстановкѣ, у того-же ефрейтора или унтеръ-офицера явилась такая авторитетность, откуда энергія и желаніе охранить во ввѣренной командѣ порядокъ? Можно сдѣлать два заключенія: одно то, что сборная команда составлена изъ людей непорядочныхъ, отбросковъ ротныхъ, съ которыми не могъ ужиться даже такой близкій, невзыскательный начальникъ какъ ефрейторъ, или-же—другое, что это все люди *незнакомые, не земляки, не однополчане*, съ которыми ефрейторъ не жилъ вмѣстѣ и, поэтому, сталъ сразу въ положеніе дѣйствительнаго, настоящаго начальника. И первое предположеніе вѣрно, но еще вѣрнѣе второе и, поэтому, наше мнѣніе безусловно склоняется къ тому, чтобы комплектованіе ротъ какъ унтеръ-офицерами, такъ и ефрейторами производить не въ ротахъ, а въ полку, а то и въ дивизіи. Каждый рядовой, производимый въ ефрейторы или унтеръ-офицеры, для облегченія ему-же самому выхода изъ неопредѣленнаго положенія, долженъ быть переведенъ въ другой батальонъ или полкъ и тѣмъ самымъ изолированъ отъ старой зна-

комой, но неподходящей уже къ его новому положенію, среды *).

Такими переводами можно было-бы избѣгнуть землячествъ, личныхъ знакомствъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушеній и послабленій въ исполненіи дисциплинарнаго устава и порядка внутренней службы.

Анализируя казарменную жизнь солдата, на первомъ же планѣ задаемся вопросомъ: какъ-же онъ проводитъ свободное отъ занятій время и чѣмъ заполняетъ досужные свои часы? Картины, украшающія стѣны войсковыхъ казармъ, срисованныя, вѣроятно, съ натуры и взятыя, полагаемъ, изъ дѣйствительной жизни нижняго чина, изъ казарменнаго его житья, представляютъ намъ такую желанную обстановку, такое чинное и вмѣстѣ съ тѣмъ веселое времяпрепровожденіе, что лучшаго и желать невозможно; но, къ сожалѣнію, внѣслужебная жизнь солдата совершенно иная, чѣмъ тамъ изображена; единственно что справедливо, это спанье и пляска въ праздничное время, работающая-же и читающая публика, въ дѣйствительности, совершенно отсутствуетъ. Положимъ, трудно и желать невозможнаго, чтобы всѣ читали, такъ какъ процентъ грамотныхъ въ ротахъ еще весьма незначительный, но и грамотные и тѣ за книжку невозь-

---

*) Нельзя при этомъ не сослаться на унтеръ-офицеровъ оканчивающихъ учебный баталіонъ. Прибывая въ часть, въ незнакомую среду, они на столько становятся съ перваго же дня требовательными и авторитетными, что лучшаго кадра и желать невозможно.

мутся добровольно, а если который изъ грамотныхъ и читаетъ, такъ непремѣнно какую-нибудь сказку купленную на базарѣ, и эту сказку не то что читаетъ, а долбитъ неисчислимое число разъ.

Между тѣмъ, въ ротныхъ библіотекахъ полные сундуки завалены книгами, и книгами хорошими, подходящими къ понятіямъ простолюдина, развивающими его въ томъ направленіи, въ которомъ каждый солдатъ долженъ быть разумно развитъ и направленъ; но всѣ старанія офицера, дабы свободное время нижняго чина заполнить, кромѣ спанья, работой и книжкой ни къ чему не поведутъ, если не будетъ съ его стороны инпціативы, толчка и отчасти понужденія, но понужденіе должно быть проведено въ чрезвычайно осторожной формѣ, чтобы рота не сочла добрыя намѣренія своего командира за обязательныя занятія. Къ занятіямъ же не въ установленное, свободное время, солдатъ относится неохотно.

Между тѣмъ, каждый изъ офицеровъ, посѣщающихъ въ свободные часы казарму, можетъ наглядно видѣть, какъ скучно коротаетъ время его подчиненный. Положимъ, пляска веселитъ человѣка, но вѣдь цѣлый день плясать невозможно, да и надоѣстъ; для разговоровъ и бесѣдъ съ товарищами тема изсякла и солдатъ, апатично слоняющійся изъ одного угла казармы въ другой, не находя себѣ никакого развлеченія, ложится спать; но и спать не въ мѣру нѣтъ возможности, и тогда онъ ложится лишь на нарахъ, не спитъ, а, переваливаясь съ боку на бокъ, думаетъ думы! Можетъ быть,

и хорошія мысли бродятъ у него въ головѣ въ это время; можетъ быть, у него тоскливо щемитъ сердце, при воспоминаніи о семьѣ и родныхъ, является вопросъ, что у нихъ, тамъ, на далекой родинѣ, слышно—живы-ли, здоровы? Всѣ эти думы и веселятъ скучающаго солдата, но, въ результатѣ, пожалуй, еще больше нагоняютъ хандру! Такого рода мысли и думы, хотя по содержанію своему честныя и хорошія, но въ дѣлѣ обученія и воспитанія солдата нежелательны, такъ какъ дѣлаютъ его апатичнымъ, унылымъ и, нерѣдко, развиваютъ болѣзнь, неподдающуюся никакой медицинѣ, названіе которой—„тоска по родинѣ“! Но не у всѣхъ скучающихъ обитателей казармы мысли заканчиваются тоскливымъ настроеніемъ. У другого явится желаніе прогнать чѣмъ-нибудь скуку; вспомнится ему дослужебное времяпрепровожденіе праздничныхъ дней и придетъ въ голову мысль: отчего-бы и здѣсь не испробовать того-же самаго, вѣдь кабакъ тутъ-же подъ рукой! Вѣроятно, благоразуміе и шепнетъ ему на ухо, что солдату въ кабакъ нельзя ходить; но это разумное предостереженіе внутренняго голоса сглаживается моментально другой комбинаціей: „что, вѣдь, начальство не замѣтитъ, какъ онъ будетъ пробираться туда и обратно, въ кабакъ-же оно не заглянетъ, а взводный унтеръ-офицеръ, *земляка*, не доложитъ и скроетъ его отлучку. Значитъ, входъ и выходъ обдуманы! О томъ-же, какія послѣдствія могутъ выйти, если напьется, наскандалитъ, уворуетъ что-либо, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, скучающій солдатъ не подумаетъ. У него одна толь-

ко мысль: прогнать скуку водкой, повеселить свою душу на раздольѣ, на просторѣ!

Праздность вѣдь не даромъ признана „матерью всѣхъ пороковъ“! Праздность доводитъ до кабака, а кабакъ—до уголовщины!!

Самые безпомощные и скучные часы въ казармѣ—это въ праздничный день, послѣобѣденное время. Когда зажгутъ лампы, казарма оживляется: раздастся бубенъ, гармонія и скрипка весело подхватываютъ темпъ народной пляски, выскакиваетъ „ухарь“ и пойдетъ откалывать дѣйствительно ухарской молодецкій танецъ, люди-же смотрятъ, смѣются, разговариваютъ, или составляется хоръ пѣсенниковъ; но, въ послѣобѣденный промежутокъ нижніе чины или спятъ, или-же безцѣльно слоняются, думая и изобрѣтая различныя ухищренія (въ родѣ пересмотра въ сундучкѣ собственныхъ вещей) дабы убить нескончаемое, скучное время.

Отъ бездѣлья лѣзутъ въ голову нехорошія мысли и отъ бездѣлья-же совершаются проступки и преступленія.

Придя къ такому заключенію, сама собою напертывается мысль, что дѣлать и что предпринять, дабы разогнать тоскливое настроеніе нижняго чина и тѣмъ самымъ недопустить его къ содѣянію разнаго рода проступковъ?

Прежде всего съ вечера, наканунѣ праздника, заранѣе слѣдуетъ распорядиться, чтобы всѣ люди, свободные отъ службы, отправлены были въ церковь къ обѣднѣ. Въ этомъ случаѣ, не задумываясь, слѣдуетъ насиловать свободное время роты, такъ

какъ полезнѣе будетъ, для нихъ-же самихъ, провести дообѣденное время на Богослуженіи, чѣмъ шляться, безцѣльно, по базару, или-же скучать отъ бездѣлья въ казармѣ. Но ротному командиру обязательно слѣдуетъ и самому туда отправиться; дать, собою, примѣръ прилежанія и вниманія къ совершаемому богослуженію, а также наблюсти, чтобы люди не шлялись изъ церкви и не представляли изъ себя праздной толпы, запруживающей безцѣльно церковный дворъ.

Такимъ образомъ утреніе часы заняты; но остается еще послѣобѣденное время. Многіе уходятъ изъ казармы въ городъ по разнымъ надобностямъ, многіе заваливаются спать; нѣкоторые отправляются въ полковую чайную напиться чаю, побесѣдовать за стаканомъ съ земляками, однимъ словомъ, каждый изъ солдатъ развлекается по своему вкусу и разумѣнію, но большинство остается безъ дѣла и не можетъ выдумать никакого развлеченія. Для этихъ то скучающихъ людей и слѣдуетъ роти. командиру придумать какое-либо развлеченіе; въ хорошую, теплую погоду, когда въ природѣ стоятъ весна, лѣто, осень, можно имъ заняться на дворѣ различными играми: есть „лапта, городки“ наконецъ „мячи“. Такія развлеченія не только вливаютъ оживленіе въ скучающаго солдата, но служатъ еще упражненіями въ гимнастикѣ, развиваютъ ловкость, заставляютъ забыть близость питейнаго заведенія, наконецъ, вызываютъ физическое утомленіе, способствующее хорошему сну, и сближаютъ всѣхъ людей роты между собою.

Благотворныя послѣдствія подобныхъ игръ, на нашъ взглядъ, неисчислимы! Но что-же дѣлать въ зимнее время, когда на дворѣ стужа, метель и вьюга! Въ такіе дни офицеръ долженъ самолично придти своей ротѣ на помощь и, посвятивъ часокъ времени, заглянуть въ казарму, выбрать изъ библіотеки что-либо подходящее, изъ имѣющихся тамъ журналовъ или книгъ, и, собравъ скучающихъ людей, прочесть имъ, съ поясненіями, содержимое въ избранной статьѣ.

Солдаты такимъ времяпрепровожденіемъ не тяготятся и если, съ перваго разу, будутъ скрытно позѣвывать (завистъ отъ самого-же лектора), то впослѣдствіи, когда разсказъ будетъ развиваться, желаніе слушать и число слушателей замѣтно увеличивается: это отпускные, слышавшіе разсказы своихъ товарищей объ интересномъ „стрѣлкѣ, побывавшемъ на Шипкѣ“, не пошли въ городъ, лишь-бы послушать самимъ что читаетъ ротный командиръ.

Чтеніе подобныхъ статей и разсказовъ приноситъ двойную пользу: первое то, что солдатъ перестаетъ скучать, а свободное его время заполняется полезнымъ занятіемъ. Его мыслямъ, направленнымъ на домашнія-ли дѣла или-же на безпутство, дается новое направленіе, новый толчокъ; но что важно, что онъ сознательнѣе будетъ относиться къ военной службѣ; у него, поневолѣ, станетъ зарождаться мысль, что все мирное обученіе не для того лишь ведется, чтобы удостоиться похвалы на смотру, а есть еще что-то иное, къ чему мы готовимся, и это незнакомое, но возвышенное, святое, это честное испол-

ненiе въ бою долга службы, выражающагося въ храбрости, неустрашимости, взаимной помощи и выручкѣ своихъ-же товарищей. Все это, въ читаемой статьѣ, оживляется въ лицахъ, такихъ-же какъ и онъ, слушатель, солдатъ; передъ его глазами, въ разговорной, легкой и доступной формѣ, проходятъ картины дѣйствительнаго боя! А откуда-же нашему солдату почерпнуть подобныя свѣдѣнiя? Откуда, какъ не отъ своего-же офицера, почерпнетъ сознанiе, что онъ человѣкъ, обязанный жертвовать собою изъ за долга службы; кто, наконецъ, осмысленно растолкуетъ ему девизъ: „за Государя, родину и вѣру!“? Кромѣ боеваго воспитательнаго значенiя, такiя чтенiя еще знакомятъ и сближаютъ офицера съ его людьми; во время такихъ бесѣдъ начальникъ имѣетъ возможность ближе присмотрѣться къ каждому изъ своихъ подчиненныхъ, оцѣнить его по достоинству; разъ же офицеромъ узнанъ человѣкъ, легче ему будетъ, впослѣдствiи, сдѣлать соотвѣтствующiй выборъ для замѣщенiя ефрейторскихъ и унтеръ-офицерскихъ вакансiй, легче будетъ присматривать за нравственнымъ житьемъ каждаго индивидуума роты; въ памяти начальника, въ случаѣ совершенiя проступка или преступленiя кѣмъ-либо изъ его подчиненныхъ, возстанетъ образъ не *Иванова*, стоящаго въ строю, а *Иванова*-человѣка и, вслѣдъ затѣмъ, предстанутъ въ мысли причины, побудившiя его къ содѣянiю проступка—тоска-ли, безпутство, дурной-ли примѣръ его товарища или же мимовольная оплошность.

Затѣмъ, осталось намъ еще изложить одно сред-

ство для полезнаго заполненія свободнаго времени нашихъ подчиненныхъ; средство, которое въ будущемъ несомнѣнно отразится какъ на нравственности нижнихъ чиновъ, такъ равно можетъ принести матеріальную помощь въ крестьянскомъ быту, ушедшаго въ запасъ арміи, солдата.

Каждая рота выпускаетъ въ настоящее время изъ своего состава, послѣ окончанія срока дѣйствительной службы, бо́льшій % грамотныхъ нижнихъ чиновъ, чѣмъ таковыхъ приходитъ въ часть, и этимъ, несомнѣнно, приноситъ-же пользу какъ лично каждому выучившемуся грамоты солдату, такъ равно и цѣлому обществу; слѣдовательно, если рота имѣетъ возможность учить нѣсколькихъ человѣкъ своихъ питомцевъ чтенію и письму, то она же въ состояніи была бы выучить многихъ членовъ своей семьи основательному знанію разнаго рода ремеслъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ обиходѣ. Свободнаго времени у каждаго нижняго чина зимою на столько достаточно, въ особенности вечерами (послѣ смѣны съ карауловъ), что офицеру приходится изыскивать средства, дабы заполненіемъ этихъ незанятыхъ службой часовъ, не дать возможности, отъ скуки и бездѣлья, разлѣниться и, вслѣдствіе этого, склониться къ порочной безнравственной жизни. Въ любой-же ротѣ мы имѣемъ постоянный кадръ готовыхъ учителей, основательно знающихъ какое либо мастерство, какъ то: колесное, токарное, столярное, сапожное и т. д. поэтому необходимо выбрать такое, которое нужнѣе въ крестьянскомъ хозяйствѣ и обученіе котораго возможно производить

въ ротѣ, т. е. не сопряжено съ устройствомъ отдѣльныхъ помѣщеній (кузни) а также не требуетъ большой затраты денегъ на покупку инструмента, и затѣмъ, вызвавъ желающихъ обучаться какому-либо ремеслу, разбить по партіямъ и ежедневно часъ, другой свободнаго времени посвятить сему полезному занятію.

Въ помѣщеніи затрудненій встрѣтиться не можетъ, такъ какъ каждая рота, квартирующая-ли въ загородномъ расположеніи или же казарменнымъ порядкомъ, размѣщена бываетъ на столько просторно, что если, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ отъ казны, пришлось-бы довольствоваться исключительно тѣмъ только, что въ настоящее время войска имѣютъ, то и въ такомъ случаѣ отдѣльная комната (хотя-бы помѣщеніе ротной школы, свободное вечеромъ) или-же попросторнѣе уголъ всегда отыщутся, тѣмъ болѣе, что сапожники всегда работаютъ тамъ, гдѣ и спятъ, слѣдовательно, въ отводѣ лишней комнаты не нуждаются.

Болѣе существеннымъ препятствіемъ является, въ данномъ случаѣ, подысканіе средствъ для заведенія необходимаго рабочаго инструмента и покупки нужнаго матеріала для первоначальныхъ пробныхъ издѣлій, такъ какъ несомнѣнно, что неумѣлыя руки будутъ портить таковой, покамѣсть выучка не будетъ доведена до конца, и продажей готовыхъ уже вещей не покроется расходъ по заведенію всего необходимаго.

Въ прилагаемой ниже разцѣнкѣ возможно точно указана необходимая на сей предметъ сумма, изъ

чего ясно, что особыхъ отпусковъ отъ казны не потребуется, такъ какъ указанный расходъ можетъ быть произведенъ средствами самихъ же частей и то лишь *въ видѣ аванса*, въ виду того, что, впослѣдствіи, при самой даже минимальной оцѣнкѣ готовыхъ издѣлій, выручка несомнѣнно превыситъ расходъ; всѣ же деньги, за отчисленіемъ небольшой суммы на вознагражденіе учителей, должны поступать въ хозяйственныя или-же артельныя суммы полка, дабы не развить въ людяхъ стремленій къ торгашеству, что, въ свою очередь, съ нравственной точки зрѣнія, не особенно желательно.

Деревенскому жителю больше всего можетъ встрѣтиться надобность въ знаніи слѣдующихъ ремеслъ: колеснаго (токарнаго), бондарнаго и сапожнаго, почему (предоставляя выборъ того или другого ремесла самому ротному командиру) нашъ взглядъ склоняется къ тому, чтобы вышеперечисленнымъ только мастерствамъ и обучать нижнихъ чиновъ.

Имѣя въ ротѣ, зимою налицо 40—50 чел. рядовыхъ, на каждую партію, каждаго мастерства, придется человѣкъ 10 учениковъ, сообразно чему и составлена ниже прилагаемая разцѣнка и вѣдомость необходимому инструменту.

ВѢДОМОСТЬ

рабочему инструменту, съ показаніемъ стоимости таковаго (Прик. по В. В. 1886 г. № 19).

Колесный.	Количество	Стоимость одного экземпляра	Всего. Р.	К.	Токарный.	Количество	Стоимость одного экземпляра	Всего. Р.	К.
		Р. К.					Р. К.		
Топоровъ . . .	5	1 —	5	—	Станокъ примитивной конструкціи (можетъ быть сдѣланъ въ каждой ротѣ), почему, считая расходъ на матеріалъ лишь стоимость его не превыситъ	1	— —	3	—
Пилъ лучковыхъ б.	1	1 —	1	—					
— лучк. средн. .	1	— 85	—	85					
— — малыхъ	1	— 70	—	70					
Долотъ прямыхъ .	2	— 60	1	20					
— полукругл. ступичн. .	2	— 80	1	60					
Стамесокъ прям. .	2	— 28	—	56					
Молотъ (болда) .	1	3 —	3	—					
Рубанокъ: прямыхъ	2	1 25	2	50	Долотъ токарныхъ (трубокъ) . . .	5	— 55	2	75
— по дугѣ обода	2	1 30	2	60					
Струговъ двуручн.	5	1 —	5	—	Косяковъ токарн.	5	— 45	2	25
Рашпилей . . .	2	— 85	1	70	Кронциркуль . .	1	1 45	1	45
Буравовъ ободов. .	2	— 40	—	80	Топоровъ. . . .	2	1 —	2	—
— ступичныхъ	1	2 —	2	—	Пила лучковая: большая . .	1	1 —	1	—
Ложекъ ступичн.: малыхъ .	1	8 —	8	—					
— большихъ.	1	12 —	12	—					
Оселокъ	1	1 25	1	25					
Кронциркуль . .	1	1 45	1	45					
Всего .	—	—	51	21	Всего .	—	—	12	45

Бондарный.	Количество	Стоимость одного экземпляра	Всего. Р.	К.	Сапожный.	Количество	Стоимость одного экземпляра	Всего. Р.	К.
		Р. К.					Р. К.		
Топоровъ . . .	2	1 —	2	—	Ножей сапожныхъ	5	— 20	1	—
Фуганковъ съ однимъ желѣзкомъ.	2	1 —	2	—	Шилъ точальныхъ	20	— 1	—	20
					— затяжныхъ.	20	— 1	—	20
					Наколюшекъ мал.	20	— 2	—	40
					— больш.	10	— 3	—	30
Скобелей двуручн.	5	— 40	2	—	Молотковъ . . .	5	— 75	3	75
Стамесокъ прям. .	5	— 28	1	40	Клещей затяжныхъ	2	1 —	2	—
					— для вытягиванія гвоздей .	5	— 45	2	25
Пила лучков. средняя	1	— 85	—	85	Рашпилей прямыхъ	5	— 40	2	—
					— кривыхъ	2	— 65	1	30
					Брусковъ . . .	2	— 25	—	50
					Колодокъ разныхъ	10	— 25	2	50
Всего .	—	—	12	45	Всего .	—	—	16	40

Итого 88 руб. 31 коп.

Стоимость матеріала

для первоначальныхъ работъ.

Для колеснаго и токарнаго:

Дубу, въ отрубѣ 3 верш.—20 арш. по 15 коп. . . 3 руб.
(на ступицы)
т о ж е 5 верш. — 30 арш. „ 30 коп. . . 9 „
(на спицы)
Березовыхъ досокъ (на косяки)
2-хъ вершк. толщины 30 арш. „ 20 коп. . . 6 „
В с е г о . . . 18 руб.

Бондарнаго:

Дубовыхъ досокъ (клепокъ) 1/2 д. толщины:
200 арш. по 5 коп. . 10 р.—к.
Сосновыхъ досокъ толщиною 1 дюймъ, шириною 4 верш.:
50 арш. по 2 коп. . . 1 „ — „
Обручей деревянныхъ:
100 шт. по 1 1/2 к. . . 1 „ 50 „
В с е г о . 12 „ 50 „

Сапожнаго:

Старья сапожнаго, на базарѣ, 50 паръ по 20—30 к. за пару . . . . 10 р.— к.
Кожи новой на заплатки (черн. юфти) 3 фун. по 60 к. . . . . 1 „ 80 „
Подметокъ 30 паръ по 15 к. . . . . 4 „ 50 „
Гвоздей, шпилекъ, вару, дратвы и ваксы на 2 „ — „
В с е г о. 18 „ 30 „

А всего на сумму 137 р. 11 к.

II. Отрасль боеваго воспитанія.

Переходя послѣдовательно къ изложенію нашихъ взглядовъ на боевое воспитаніе солдата, мы должны здѣсь предварительно оговориться и высказаться, что въ нижепомѣщаемомъ весьма краткомъ отдѣлѣ не станемъ касаться всего того, что исключительно относится къ строевому обученію, или, точнѣе выражаясь, къ боевой муштровкѣ нижняго чина, такъ какъ строевая отрасль подготовки солдата, изложенная въ обязательныхъ строевыхъ уставахъ и подробныхъ инструкціяхъ; кромѣ того, настолько еще дополнена и разработана отдѣльными личностями, столько появилось осмысленныхъ, обдуманныхъ руководствъ и пособій, что каждому ротному командиру, стремящемуся къ возможно лучшей подготовкѣ своей роты, осталось лишь только прочесть или просмотрѣть написанное, извлечь изъ прочитаннаго то, что, по его мнѣнію, болѣе подходяще и нужнѣе и затѣмъ примѣнить все или часть этого, на дѣлѣ, т. е. къ людямъ своей роты. Но осталось еще одна отрасль боеваго воспитанія, на которую, къ сожалѣнію, мало обращается вниманія и находящуюся, до извѣстной степени, въ забытьи; но отрасль настолько важную, что ее слѣдовало-бы поставить наравнѣ съ обязательными уставами и инструкціями.

Взглядъ нашъ склоняется къ тому, чтобы ввести въ програму воспитанія солдата славныя геройскія преданія нашей доблестной арміи, подвиги отдѣльныхъ личностей, легшихъ костьми на полѣ бра-

ни, подавая собою примѣръ отваги, самоотверженія, честнаго исполненія присяги! Всѣ эти герои давно уже лежатъ въ землѣ, истлѣлись ихъ кости и прахъ развѣянъ буйными вѣтрами, но память объ нихъ должна жить вѣчно въ нашихъ сердцахъ; изъ ихъ могилъ, разбросанныхъ по разнымъ концамъ нашего отечества, а также въ далекихъ чужихъ странахъ, должна выходить та боевая сила, тотъ высоко-нравственный духъ арміи, которымъ долженъ быть проникнутъ каждый, носящій русскій военный мундиръ. Наша военная, кровью писанная лѣтопись, настолько богата подвигами какъ цѣлыхъ частей, такъ и отдѣльныхъ личностей, что ни одна иностранная армія не можетъ въ этомъ отношеніи состязаться съ нами.

Всѣ эти подвиги, всѣ геройскіе поступки нашихъ предковъ, при прежней долголѣтней службѣ, безъ сомнѣнія, передавались изъ устъ въ уста старыми солдатами приходящему рекруту. Воспитателей не нужно было, такъ какъ каждая рота всегда имѣла въ рядахъ своихъ большинство людей, видѣвшихъ собственными глазами много такихъ подвиговъ, слѣдовательно, *сама-же себя воспитывала*, сами-же солдаты выполняли воспитательную роль въ отношеніи молодыхъ и неопытныхъ своихъ-же товарищей и настраивали ихъ воображеніе на желаніе сравняться и не осрамиться передъ закаленными въ бою сослуживцами. Въ настоящее-же время, когда въ ротахъ нѣтъ такихъ людей, что же осталось дѣлать? Неужели дать заглохнуть славнымъ преданіямъ, не настраивать нервную систему

нынѣшняго солдата на желаніе отличиться или погибнуть, свято исполняя принятую присягу?! Можетъ быть, достаточно лишь вымуштровать современнаго солдата, выучить поворотамъ, ружейнымъ пріемамъ, мѣткой стрѣльбѣ, примѣненію къ закрытіямъ, и довольно?!

Мы лично, сторонники, въ одинаковой степени, какъ *разумной* муштровки *), такъ и воспитанія. Муштровка необходима: она приковываетъ человѣка къ строю, заставляетъ быть послушнымъ, по привычкѣ, командѣ начальника, пріучаетъ его къ необходимымъ эволюціямъ; однимъ словомъ, подчиняетъ его волѣ одного человѣка; все-же это настолько необходимо въ бою, что отвергать строевую подготовку, а предлагать одно лишь духовное развитіе вольнаго человѣка, было-бы мѣрой несообразной и неразумной. Солдатъ долженъ быть всегда строевикомъ, до извѣстной степени, машиной, настроенной подъ одну форму; но не слѣдуетъ забывать и того и ставить всегда на первомъ планѣ, что эта машина все-таки человѣкъ съ головою, сердцемъ и... нервами. Нужно, полагаемъ, чтобы эта машина, идя въ бой, была настроена, наэлектризована чѣмъ-нибудь, нужно, чтобы она функціонировала сознательно!

Сто лѣтъ тому назадъ нашъ великій Суворовъ сознавалъ вышеприведенную истину и пришелъ къ заключенію, что солдатъ — не безмысленная машина, а человѣкъ, одаренный понятливою головою, отзывчивымъ сердцемъ и поддающимся впечатлѣнію

*) Въ той формѣ, въ какой она нынѣ практикуется.

первами. Суворовъ былъ геніальный полководецъ но долю геройскихъ подвиговъ его подчиненныхъ можно лишь отнести къ умѣнію его дѣйствовать на голову, сердце и нервы солдата, умѣнію воодушевить своихъ подчиненныхъ. Любимое изрѣченіе и обращеніе Суворова къ солдатамъ и названіе „Чудо-Богатыри“ свидѣтельствуетъ, насколько великій полководецъ понималъ человѣческую натуру, способную настраиваться подъ вліяніемъ сплыодѣйствующаго слова начальника на самые невѣроятные подвиги. Значитъ, незабвенный генералиссимусъ былъ не только знаменитый полководецъ, но еще глубокій знатокъ сердца русскаго солдата. Онъ оставилъ намъ въ наслѣдство примѣръ, что солдата можно настроить, наэлектризовать на геройство, на смерть, не только муштровкой, но, главное, *словомъ!* Слѣдовательно, разбирая фазисы подготовки современнаго солдата къ бою, обязательно приходимъ къ заключенію, что человѣкъ, готовящійся къ войнѣ, долженъ сжиться заранѣе еще, въ мирное время, съ мыслью о подвигѣ, храбрости, самоотверженіи, однимъ словомъ, получить нравственную подготовку къ дѣйствительному бою. Вся строевая боевая муштровка, даже съ поясненіями цѣли предстоящаго дѣйствія, т. е. атаки или обороны извѣстнаго пункта, еще невполнѣ подготовляетъ солдата къ бою, еще останется что-то недосказанное, если часть не оживлена сознаніемъ необходимости пожертвовать собою, если въ ней нѣтъ того нравственно-боеваго духа арміи, который, нерѣдко, настраивалъ даже невыученныя—невымуштрован-

ныя войска на геройство и склонялъ побѣду на нашу сторону. Поэтому, полагаемъ, что единственнымъ средствомъ для нравственной подготовки солдата къ бою должно быть развитіе въ нашихъ подчиненныхъ русскаго народнаго патріотизма, основаннаго на любви и преданности своему Государю, а также постоянное напоминаніе о подвигахъ какъ отдѣльныхъ частей, такъ и одиночныхъ героевъ нашей доблестной арміи. Это не нововведеніе, такъ какъ каждый новобранецъ приходитъ на службу съ полной преданностью къ Вѣнценосному Вождю нашей арміи, затѣмъ нѣкоторые подвиги доблестныхъ солдатъ, какъ Старичкова, Чайки, Любанскаго, введены въ обязательную программу, изданную приказомъ по военному вѣдомству; но этого мало, нужно было-бы распирпть, по усмотрѣнію ротныхъ командировъ, этотъ отдѣлъ и ввести его въ обязательныя занятія. Отдѣльныхъ часовъ для такихъ бесѣдъ назначать не слѣдуетъ, а проходить одновременно съ словесными занятіями, когда до окончанія остается $^1/_2$—$^3/_4$ часа времени—этого достаточно! Кто дорожитъ минутой и умѣетъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, кто относится горячо, отъ всей души, къ службѣ, тотъ всегда найдетъ время для развитія духовной стороны своихъ подчиненныхъ.

Не учить слѣдуетъ, а бесѣдовать, принимая во вниманіе, что въ нашемъ распоряженіи имѣется ежедневно $1^1/_2$—2 часа времени, а за этотъ промежутокъ необходимо выучить все требуемое программой и, въ концѣ занятій, влить въ нихъ каплю горячей боевой крови. Такими постепенными короткими бе-

сѣдами мы разовьемъ ихъ, направимъ ихъ мысль на желаніе самимъ вершить такіе подвиги и быть достойными преемниками славныхъ предковъ, достойными слугами своего Верховнаго Вождя, а также заставимъ осмысленно понимать и горделиво относиться къ званію—солдатъ!

Образчики поучительныхъ бесѣдъ.

Первое время, послѣ разбивки по-взводно и по-партіямъ прибывшихъ въ роту новобранцевъ, слѣдуетъ отдать ихъ всецѣло (оставляя за собою лишь контроль надъ ихъ дѣйствіями) въ руки учителей. Нужно, чтобы они изъ этого сырого матеріала сдѣлали, хотя вчернѣ, похожее на строевого солдата. Ротный командиръ или офицеръ, обучающій молодыхъ, самъ этого не сдѣлаетъ и не имѣетъ возможности сдѣлать. Для этого каждую минуту необходимо быть вмѣстѣ, каждый шагъ направлять, каждое движеніе, отвѣтъ, поворотъ вдѣлать въ опредѣленную, требуемую уставомъ, рамку.

Перерожденіе, неотличающагося поворотливостью простолюдина, въ строевого молодца идетъ быстро; пройдетъ недѣля—другая и разъ стало очевидно, что молодые смотрятъ уже не изъ подлобья, умѣютъ повернуться, знаютъ, что когда съ ними говоритъ офицеръ, то нужно встать и стать „смирно“, понимаютъ гдѣ они служатъ и, въ общемъ, обживутся уже настолько въ казармѣ, что нѣтъ на ихъ лицахъ испуга, такъ что можно надѣяться, что

и говоримое имъ будетъ понято, тогда время, значитъ, офицеру приниматься самому за дѣло—ученія.

Начиная съ I-го отдѣла, программа преподноситъ намъ настолько важные 3 пункта, что обучающему слѣдуетъ поглубже и повнимательнѣе обсудить и приготовиться, дабы толково и удобопонятно изложить все это своимъ питомцамъ. „Назначеніе солдата, присяга и Знамя"—это краеугольный камень всей военной службы. Въ этихъ немногихъ словахъ поставлена цѣль нашей службы; какими узами связывается человѣкъ, поступающій на службу и присягающій, и, наконецъ, объединеніе всей военной братьи подъ девизомъ: „За Государя, вѣру и родину", т. е. подъ знаменемъ.

Прежде всего, всей собранной молодежи, послѣ предварительнаго объясненія, что они въ настоящее время называются „солдатами" и обыкновенной выучкѣ по программѣ что такое солдатъ, слѣдуетъ приступить къ растолкованію имъ ихъ обязанностей относительно Государя и родины.

Толкованія эти не растягивать, а говорить лишь то, что каждый русскій чувствуетъ сердцемъ, примѣняясь только къ деревенскому усвоившемуся понятію, а также къ простонародному языку.

„Каждый, братцы, русскій человѣкъ видитъ, въ „своемъ Государѣ, Отца-Кормильца нашего и по„ставленнаго, самимъ Богомъ, Повелителя надъ „всей русской землей. Отецъ твой заботится о всей „семьѣ у себя дома, Государь-же нашъ думаетъ, „заботится и радѣетъ объ всѣхъ своихъ подданныхъ. „Если тебѣ живется спокойно и сытно у себя въ

„деревнѣ, если къ тебѣ не приходитъ въ избу гра-
„бить непріятель, такъ потому только, что Госу-
„дарь недопускаетъ и охраняетъ каждаго изъ насъ!
„Значитъ, всѣ мы обязаны почитать Священную
„Особу нашего Государя Императора, какъ по-
„ставленнаго надъ нами Богомъ, а Божье повелѣ-
„ніе христіанинъ долженъ свято и ненарушимо
„хранить и исполнять; любить-же мы должны Го-
„сударя, какъ заботливаго своего Отца, не дающаго
„насъ въ обиду; преданны мы должны быть Ему
„настолько, что если понадобится, такъ умри съ
„охотой, чтобы доказать какъ любишь ты Его,
„какъ ты благодаренъ за всю Его заботливость и
„доброту къ намъ; наконецъ, помни то, что и ты
„самъ Государевъ, и все твое добро, которое имѣ-
„ешь дома, тоже Государево, и все это имѣешь по
„милости Царской.

„Насколько ты долженъ всею душою быть
„преданнымъ своему Государю, настолько-же каж-
„дый изъ васъ, ребята, долженъ помнить, что если
„ты русскій человѣкъ, то ты живешь на русской-
„же землѣ, которая тебя вспоила и вскормила! А
„что, ребята, какъ вы думаете? Если-бы непріятель
„захотѣлъ отобрать отъ васъ вашу землицу, если-
„бы какой врагъ пришелъ, да повыгналъ насъ
„съ нашихъ-же избъ, да еще вдобавокъ, вмѣсто
„нашей Христіанской Православной вѣры, захо-
„тѣлъ-бы дать свою вѣру? Небось, каждый изъ
„васъ костьми-бы легъ, а не далъ, какъ своей
„родной земли, такъ и своихъ церквей на поруганіе
„и во власть чужую! Такъ вотъ, видите, братцы,

„что для этого Богъ намъ далъ Государя, чтобы „онъ не допустилъ на посрамленіе какъ земли на„шей, такъ и вѣры нашей; Ему Богъ въ руки далъ „власть и силу, чтобы намъ жилось спокойно по„божески; но для того, чтобы все было у насъ въ „порядкѣ на Руси, а также, чтобы не пустить къ „намъ на родину врага-супостата, Государь пове„лѣлъ составить войско, въ ряды котораго и вы „теперь стали, и приказалъ намъ: „Защищай Мое „Государство, Мою и свою родину, Мою и свою „православную вѣру отъ всѣхъ враговъ; исполняй „свято Мои повелѣнія и охраняй порядокъ въ цар„ствѣ; не давай врагу на посрамленіе церковь, не „давай въ обиду свою семью, родныхъ; ляжь костьми „а не допусти врага хозяйничать у насъ на родинѣ“! „Помни-же, братцы, что солдатская служба—это свя„тая, честная служба, а солдатъ—это первѣйшій „слуга своего Государя и своей родины, а если „будетъ на то воля Божья, что насъ убьютъ, такъ, „вѣдь,—семи смертямъ не бывать, а одной не мино„вать“, и лучше умереть съ честью, сражаясь съ „врагомъ, чѣмъ охая, да стоная, на полатяхъ въ избѣ!

Объясняя значеніе „присяги“, необходимо при помнить молодымъ ту обстановку, при которой каждый изъ нихъ присягалъ, и въ чемъ онъ клялся; затѣмъ растолковать, почему каждый идущій на военную службу принимаетъ присягу, а также необходимость выполненія принятыхъ обязанностей.

„На каждую службу, ребята, куда ни поступишь, „требуютъ отъ человѣка обязательства, что онъ „исправно, по совѣсти будетъ нести ее, а такъ какъ

„Царская служба самая важная и святая изъ всѣхъ „службъ, то на такую службу одного слова или „письменнаго договора мало; здѣсь нужно, чтобы „вы дали такое обѣщаніе, которое каждый вѣру- „ющій во Христа долженъ до конца своей жизни „хранить свято и нерушимо, памятуя, что за „нарушеніе присяги не только подвергнется по- „зору и наказанію при жизни здѣсь, у себя на ро- „динѣ, но и въ могилѣ ему покоя не будетъ: клят- „вопреступникъ—это людьми и Богомъ проклятый „человѣкъ, осужденный при жизни еще на всѣ му- „ченія ада.

„Такъ помните, братцы, въ чемъ вы клялись, „когда цѣловали крестъ Спасителя и Его святое „Евангеліе: вѣрно и честно служить Государю Им- „ператору, Наслѣднику Цесаревичу и своей роди- „нѣ и какія-бы тягости, какія-бы трудности ни „случались, перенести все охотно, какъ подобаетъ „христіанину и русскому человѣку, а если убьютъ „насъ, такъ, вѣдь, не забывай, что всѣ люди умира- „ютъ и я, и ты, и всѣ помремъ, только въ томъ „разница, что послѣ смерти честный, хорошій сол- „датъ, исполнившій присягу свято, будетъ на- „гражденъ царствіемъ небеснымъ, а клятвопресту- „пникъ вѣчно нескончаемо наказуемъ!

Переходя послѣдовательно къ объясненію значенія „Знамени“ слѣдуетъ пробудить въ молодыхъ во- споминаніе той минуты, когда они уходили изъ дому на службу; заставить ихъ пережить и вновь прочувствовать минуту прощанія съ отцомъ и ма- терью. Разспросить благословила-ли его мать на

Царскую службу и чѣмъ снабдила отъѣзжающаго! Почти всѣ поголовно новобранцы приносятъ съ собою тщательно завернутые иконку или крестикъ; это родительское благословеніе.

„Всѣхъ васъ, ребята, отпуская изъ дому на „Царскую службу, благословила мать кого иконой, „кого крестикомъ; вѣдь, это благословеніе вамъ „дорого, не продать ни за какія деньги! А знамя, „братцы, это есть благословеніе Царское, данное „намъ, вѣрнымъ Его сынамъ. Какъ дорога тебѣ ико„на родительская, которую старуха надѣла на „твою грудь, такъ-же дорога должна быть эта „святыня полковая, данная Государемъ на память „и славу нашего полка. Этимъ Знаменемъ Государь „насъ благословилъ, чтобы въ бою, когда кругомъ „тебя будетъ летать смерть, когда сѣпишься грудь „съ грудью съ врагомъ, ты взглянулъ на свою пол„ковую Святыню, на свое Знамя, вспомнилъ при„нятую присягу, и нашелъ въ себѣ силы побѣдить „или умереть за Царя-Батюшку, за вѣру пра„вославную и за Русь, родину нашу святую. Помни, „ребята, умри, а не отдай въ руки врага своей „Святыни, Царскаго благословенія. Стыдъ и срамъ „если это несчастье случится съ полкомъ!“.

Въ назиданіе-же какъ слѣдуетъ охранять знамя, разсказать подвиги доблестныхъ солдатъ, спасшихъ отъ рукъ непріятеля свою полковую святыню.

Разсказывая о подвигахъ цѣлыхъ частей, взятыхъ изъ военной исторіи, необходимо выбирать такіе эпизоды, въ которыхъ, кромѣ лихости и ге-

ройства, проглядывала-бы и система, дающая возможность, на случай кампаній, въ будущемъ, ориентироваться въ трудныхъ обстоятельствахъ каждому современному солдату.

Такъ, напр., бой 2-го Августа 1812 г. подъ Краснымъ (7 т.) рекрутъ Невѣровскаго, безъ артиллеріи и кавалеріи (въ началѣ боя, Харьковскій драгунскій и 3 казачьи полки отступили къ Смоленску, а 50 Егерскій пѣх. полкъ съ 2 орудіями отправлены были назадъ, за 12 верстъ, для занятія, въ тылу, позиціи—въ видѣ резерва, на пути отступленія *) противъ (15 т.) конницы Мюрата съ 60-ю орудіями и дивизіи пѣхоты Нея, представляетъ не только славную страницу нашей лѣтописи, но еще поучителенъ каждому въ отдѣльности солдату, чего можно достигнуть при спокойствіи, исполнительности и вниманіи къ слову и командѣ своего начальника, а также выдержкѣ и хладнокровью, при встрѣчѣ пѣхотою кавалерійскихъ налетовъ.

Бесѣды и разсказы о сраженіяхъ необходимо излагать возможно сжато и кратко, стараясь въ концѣ дѣлать напоминаніе и поученіе,

„Разскажу вамъ, ребята, какъ русскіе солдаты „сражаются съ непріятелемъ, какъ бьютъ его и „какъ вы должны сражаться и бить, если Богъ „приведетъ быть на войнѣ. Въ 1812 году на нашу „родину налетѣло огромное множество враговъ. Тя„желое это было время: войска у насъ было мало, непріятеля-же въ десять разъ больше; но Государь

*) Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ ген.-лейт. Леера „Красный-бой 2 Августа 1812 г.“

„повелѣлъ, чтобы солдаты выгнали непріятеля, что-
„бы супостата не было на нашей русской землѣ, и
„солдаты свято исполнили Царское велѣніе: грудью
„своей защитили родину и хотя много нашихъ
„легло, но зато уложили множество враговъ, и
„такъ очистили и погнали ихъ, что только крохи
„убрались, во свояси, къ себѣ на домъ.

„Такъ вотъ, въ томъ-же году, возлѣ города
„Краснаго, Смоленской губерніи, шла походомъ
„дивизія наша; но вся дивизія была недавно сфор-
„мирована изъ новобранцевъ, въ примѣръ такихъ-
„же самыхъ, какъ и вы, необученныхъ еще. Только
„у васъ теперь ружья отличныя, можно скоро и то
„на 2 версты уложить непріятеля, у тѣхъ-же бы-
„ли плохенькія: дай Богъ, чтобы на 100 шаговъ
„пуля попала, а чтобы зарядить его, такъ нужно
„было долго-долго копаться. Вотъ, во время похода,
„на нашихъ новобранцевъ наскочило 15 тысячъ
„конныхъ непріятелей съ 60-ю пушками, да еще
„дивизія вражеской пѣхоты; это, ребята, такъ мно-
„го людей и лошадей, что только русскій сол-
„датъ, любящій своего Государя, свою вѣру и
„свою родину, могъ устоять. Врагъ конный, кру-
„гомъ, такъ и насѣдаетъ, такъ и валитъ и претъ
„во всю скачь, чтобы смять и изрубить нашихъ!
„Еслибы еще на мѣстѣ, то легче было-бы отби-
„ваться, а то надо было идти назадъ, къ своимъ-
„же войскамъ; а, вѣдь, знаете, ребята, что на хо-
„ду драка плохая; но у насъ былъ славный гене-
„ралъ, по фамиліи Невѣровскій, а сами новобранцы
„оказались настоящими русскими молодцами, геро-

„ями. Отходя назадъ, били они врага на протя-„женіи 12 верстъ и богатырями пришли къ своимъ „остальнымъ товарищамъ.

„А знаете какъ они отбивались? Нехитро, „просто, да умно: какъ увидятъ, что непріятель „собирается наскочить, такъ сейчасъ-же началь-„ство наше скомандуетъ: „стой“! Остановятся „солдатики, повернутся всѣ лицомъ къ врагу, за-„рядятъ ружья и стоятъ камнемъ, спокойно, мо-„лодцами, глазомъ не моргнутъ, ожидая пока „по наскочитъ поближе конница; прицѣлятся вни-„мательно въ голову лошади и ждутъ, покамѣстъ „генералъ не скомандуетъ „пли“! Какъ громомъ „хлестанутъ по врагу дружнымъ залпомъ и уложатъ „цѣлыя груды людей и лошадей, а который дор-„вался до строя, такъ на штыкъ подымутъ. Непрі-„ятель не выдержитъ, да назадъ, а наши, покамѣстъ „онъ лижется, да устраивается, отойдутъ какую „версту другую, а потомъ опять то-же самое, и „такъ отбивались на разстояніи цѣлыхъ 12 верстъ.

„Такъ вотъ, братцы, какіе русскіе солдаты бо-„гатыри, какими они были строевыми молодцами! „Не будь они такъ послушны, такъ внимательны „къ командѣ начальства, еслибы каждый стрѣлялъ „въ раздробь, не слушая команды, такъ всѣ про-„пали-бы, всѣхъ-бы изрубили, а такъ и сами себя „показали героями, защитили свою родину, и ис-„полнили свято Царское повелѣніе. Помни-же, ре-„бята, что если и на одиночнаго когда-нибудь „въ бою наскочитъ конный, то не уходи, пропа-„дешь! Да и стыдно русскому солдату уходить!

„Всегда, стой, потверже, непремѣнно лицомъ къ „коиному и вали по немъ: издали пулей, но мѣтко, „не торопись; если-же другой наскочилъ и не- „успѣлъ ты зарядить, такъ штыкъ подставь. Вѣр- ное слово, что ничего тебѣ не сдѣлаютъ отобьешься „хотя отъ десятерыхъ, а тамъ и товарищи выру- чатъ!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Заканчивая настоящій трудъ, не можемъ преминуть, чтобы не сказать нѣсколько словъ о самоличныхъ занятіяхъ офицера съ нижними чинами. Нерѣдко приходится слышать раздающіеся, хотя единичные, разрозненные, но довольно громкіе голоса, печальнымъ диссонансомъ рѣжущіе ухо. Голоса эти увѣряютъ, что офицеру не слѣдуетъ самому въ ротѣ заниматься, не слѣдуетъ толковать и бесѣдовать съ солдатомъ, такъ какъ вслѣдствіе постояннаго взаимнаго общенія, произойдетъ неизбѣжное *сближеніе* между офицеромъ и нижними чинами, въ результатѣ-же теряться будетъ офицерскій престижъ (?); затѣмъ, слѣдуетъ гипотеза, что разъ офицеръ самолично поведетъ занятія, то унтеръ-офицеръ ничего не будетъ дѣлать; *черноработникомъ*-же въ ротѣ долженъ быть не офицеръ, а унтеръ-офицеръ или ефрейторъ; наконецъ, нѣкоторыя личности доводятъ свои разсужденія до того даже, что увѣряютъ, будто-бы, унтеръ-офицеръ толковѣе занимается и лучше изучилъ все требуемое программой, чѣмъ офицеръ.

Можно было-бы обойти молчаніемъ и не удостоивать гласности столь нераціональныя, несвоевременныя и не заслуживающія даже критики единичныя

мнѣнія, если-бы таковыя исходили изъ среды дослуживающей и дослуживающей свою службу и свой вѣкъ, это люди прошлаго! Но такъ какъ голоса, ратующіе за устраненіе офицера отъ дѣла, исходятъ именно изъ той молодой и юной среды, которая, покинувъ недавно стѣны учебныхъ заведеній, еле только вступаетъ на славную стезю служенія Государю и родинѣ, поэтому считаемъ необходимымъ повнимательнѣе остановиться на вышеприведенныхъ мнѣніяхъ, насколько таковыя могутъ заслуживать, хотя сколько нибудь, серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что столь ретроградные выводы, дѣйствуя ласкательно на человѣческую натуру, всегда болѣе склонную къ пріятному „ничегонедѣланію“, чѣмъ къ усидчивому и кропотливому труду, могутъ дѣйствовать заразительно на окружающую-же юную и воспріимчивую молодежь.

Доводы эти не новы! Отъ нихъ вѣетъ отжившей и безвозвратной стариной 40—50-хъ годовъ, наглядно представленной въ „очеркахъ Прошлаго“ (Афанасьева-Чужбинскаго), когда офицеры были еще „Господами“ *) и въ одномъ словѣ совмѣщалось полное „ничегонедѣланіе“, Бурцевское собутыльничаніе и нынѣшнее германское „воспитаніе“ **), все-же обученіе солдата было въ рукахъ капрала, а строгими наказаніями поддерживалась „субординація“ и престижъ офицерскаго мундира!

Но тѣ-ли времена нынѣ? Прежде солдатъ слу-

---

*) Мѣткое выраженіе Ген. Драгомирова (Воспитаніе § 1 стр. 5).

**) Журналъ „Развѣдчикъ (№ 99 1892 г.) Журналъ „Недѣля“ (№ 24 за 1892 г.), газета „Новое Время“ (№ 5831).

жилъ 25—15 лѣтъ; въ ротахъ имѣлись капралы, полные хозяева своихъ взводовъ, квартирующихъ зимою въ разстояніи 10—15 верстъ отъ ротнаго двора, слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, офицеръ если-бы даже хотѣлъ самъ заняться, то не имѣлъ возможности; но что самое важное, это условія и требованія службы были не тѣ: солдатъ, служившій годъ, считался еще рекрутомъ; муштра, т. е. безукоризненная одиночная выправка, шагистика и ружейные пріемы, были въ полномъ ходу; вѣнцомъ всего образованія были уставныя ученія и построеніе колонны къ атакѣ; наконецъ, въ полной силѣ и значеніи было знаменитое изрѣченіе Суворова, что „пуля дура, а штыкъ молодецъ“, пригнаровленное и имѣвшее полное основаніе и значеніе къ прежней технической сторонѣ вооруженія войскъ; но если-бы въ настоящее время возсталъ изъ гроба маститый фельдмаршалъ и мы, при настоящихъ требованіяхъ тактики, при короткомъ срокѣ службы, слабомъ унтеръ-офицерскомъ кадрѣ и до невѣроятности усовершенствованномъ огнестрѣльномъ оружіи, повторили ему его-же изрѣченіе, и отъ себя еще добавили свой взглядъ—„что офицеръ не долженъ самолично вести занятій“, то отъ такихъ рѣчей, пожалуй, великій полководецъ, придя въ ужасъ, вторично легъ-бы въ гробъ!

Безспорно, что толковый и старательный унтеръ-офицеръ можетъ лучше выучить все требуемое программой (честь ему и слава), чѣмъ апатичный офицеръ; выучатъ, выдолбятъ все это и его ученики; но развѣ этимъ можно удовольствоваться? Развѣ

уровень пониманія, развѣ духовная сторона людей отъ этого выиграетъ? Безусловно нѣтъ! Заучиваніе, безъ объясненій, разъясненій и живого горячаго слова, останется всегда „мертвой буквой“ и отъ него не только не будетъ развиваться простолюдинъ, а скорѣе тупѣть, безъ всякой пользы для дѣла, такъ какъ хотя языкъ и будетъ повторять заученныя фразы, но мысль, духовная сторона, нетронутыя поясненіями, останутся по прежнему дремать и отсутствовать! Унтеръ-офицеръ хорошій нуженъ, но нуженъ для чего? Для одиночной выправки подчиненнаго и для присмотра за внутреннимъ порядкомъ въ казармѣ, но дѣло *воспитанія* это работа—трудъ человѣка *воспитаннаго-же*, человѣка интеллигентнаго, воодушевленнаго святостью дѣла; онъ только въ состояніи воспитать армію, влить въ нее боевой огонь и настроить на подвиги и самоотверженіе! Наконецъ, полагаемъ, что каждый офицеръ обязанъ же знать своихъ подчиненныхъ не только по фамиліямъ, но еще какъ съ нравственной точки зрѣнія, такъ равно и сдѣлать имъ оцѣнку въ смыслѣ боевой подготовки, а когда же мы узнаемъ человѣка? Не въ строю-же! Тамъ только можно отличить ловкаго строевика, искуснаго стрѣлка, отличнаго гимнастера; но, можетъ быть, въ немъ, совокупно съ описанными прекрасными строевыми способностями и безукоризненной муштровкой ютятся самыя безнравственныя наклонности! Всѣ эти внутреніе недостатки или достоинства всплываютъ наружу и раскрываютъ намъ глаза при казарменной обстановкѣ, во время кропотливыхъ зимнихъ трудовъ,

самоличныхъ занятій, бесѣдъ, толкованій и посѣщеній офицерами въ неурочные часы, подвѣдомственныхъ ему нижнихъ чиновъ? Самоличными занятіями не только не теряется въ средѣ нижнихъ чиновъ офицерскій престижъ, но безусловно выигрываетъ; постоянное общеніе, при умѣломъ обращеніи, сближаетъ начальника съ его подчиненными, вырабатывается *вѣра*, *довѣріе* въ простолюдинѣ къ своему руководителю, возникаетъ взаимная духовная связь, сплочивается, въ одно цѣлое, военный организмъ, въ результатѣ-же получается армія воспитанная, сильная духомъ единства, общностью дѣла, труда, довѣряющая своему начальству и прекрасно знающая чего можно ожидать, взаимно, въ трудныя боевыя минуты жизни.

Разумѣется, если смотрѣть на военную службу въ смыслѣ только одиночной выправки и муштровки, то нельзя не согласиться, что достаточно и даже выгоднѣе было-бы Государству имѣть однихъ только унтеръ-офицеровъ. Они вполнѣ могутъ замѣнить офицера; но, въ такомъ случаѣ, доводы „сторонниковъ *ничегонедѣланія*“ опять-таки не выдерживаютъ критики, такъ какъ они-же сами составятъ въ военномъ обществѣ лишній балластъ, который самымъ безобиднымъ образомъ, безъ ущерба для дѣла, можетъ быть выброшенъ изъ военнаго сословія! Если же правительство признаетъ необходимымъ держать офицера, тратить на его *воспитаніе* съ малолѣтства, затѣмъ на уплату жалованья, значительныя суммы, слѣдовательно, офицеръ нуженъ! Онъ необходимъ какъ *воспитатель*, какъ

человѣкъ, разумно понимающій долгъ службы, святость присяги; задача его та, чтобы онъ перелилъ въ душу простолюдина все то, что чувствуетъ самъ; чтобы воспиталъ своего подчиненнаго въ нравственныхъ началахъ, воспиталъ для боя, сдѣлалъ доблестнаго воина, готоваго идти сознательно на смерть за „Царя, родину и вѣру“! Наконецъ, офицеръ нуженъ еще для того, чтобы во главѣ воспитанныхъ имъ-же людей идти въ бой и своимъ примѣромъ, воодушевивъ ихъ, умереть или побѣдить!

Вы-же, молодые люди, ошибочно понимающіе назначеніе современнаго офицера, гдѣ-же вамъ тратить свои юныя силы, гдѣ тратить запасъ молодыхъ горячихъ стремленій, какъ не на святомъ дѣлѣ, на дѣлѣ воспитанія людей, готовящихся грудью своей защитить славную родину отъ всѣхъ міровыхъ сотрясеній, своею кровью, по примѣру гигантовъ—предковъ, обагрить родныя поля, защищая каждую пядь родной земли.

к о н е ц ъ.

2007043009